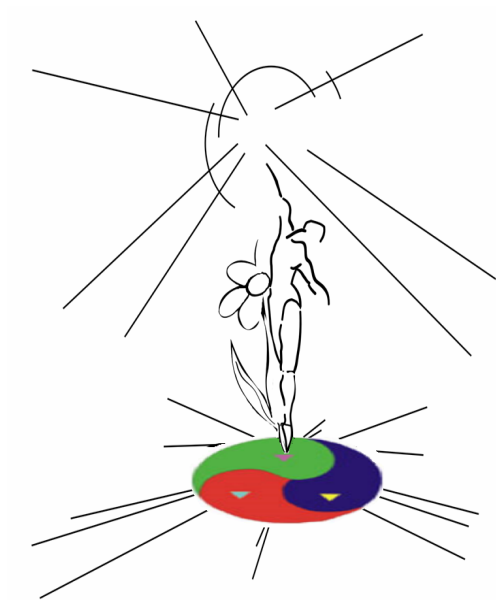

А.В.Вознюк

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ И
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ НАУКИ**

**Житомир,
2018**

УДК 1:298:316.7; 371.2 (09)

ББК 87

В64

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Герасимчук А.А., доктор философских наук, профессор;

Рыбалка В.В., доктор психологических наук, профессор.

Вознюк А. В.

В64

Методологические, ценностные и цивилизационные основания науки. – Житомир: Koob publications, 2018. – 72 с.

Рассматриваются три главных ориентации человеческого существования, которые определяют как три ценностные стратегии человека и человечества (чувственную, сверхчувственную и идеалистическую), как три элемента модели реальности (мир – граница – человек), как три методологические сферы науки (всеобщее, особенное, единичное), как три стратегии познания и освоения действительности (правополушарно-иррациональную, левополушарно-рациональную, межполушарно-творческую), так и три цивилизационных проекта (западный, восточный, центральный). Особенно важными выступают методологические основания науки, которые определяют главный принцип познания реальности, согласно которому любой предмет/явление нашей реальности должен быть представлен и изучен на основе его рефлексии в трех методологических сферах.

УДК 1:298:316.7 ; 371.2 (09)

ББК 87

© Вознюк А.В., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление: главная проблема человеческого существования.....	5
Пути преодоления страха смерти	9
Универсальные ценностные ориентации человека и общества	11
Реализация универсальных ценностных ориентаций в сфере высших психических функций человека.....	13
Методологические основания науки	22
Ценностный базис науки	26
Цивилизационные аспекты науки (на примере психолого-педагогических наук)	31
Выводы.....	36
Дополнение 1. Поэзия о мячике, который не тонет в воде.....	37
Дополнение 2. О феномене А.С. Макаренко	41
Дополнение 3. О феномене некрофилии.....	49
Дополнение 4. О принципе множественности современной цивилизации	58
Дополнение 5. Загадка стокгольмского синдрома	63
Дополнение 6. Феномен счастья человека.....	65
Литература.....	69

**ВСТУПЛЕНИЕ:
ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ**

Как утверждают историки и антропологи, человек отличается от животного не столько мышлением (некоторые обезьяны, особенно их экспериментальные представители, обнаруживают мыслительные способности, характерные для маленьких детей), сколько отношением к смерти, что проявляется в различных культурах, связанных с захоронением человеческих останков.

Вместе с этим в душе человека навсегда поселилось чувство неизбежности смерти, которую иногда даже обожают:

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Г.Р.Державин

Мельница Бога
Очень хороша.
Мельница Бога
Мелет не спеша.
Медленно, но верно
Ходит колесо.
Будет перемелено
Абсолютно всё.

Г.У. Лонгфелло

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землёю опять,
Чтобы зло проклинать, о добре тосковать!..

Боже, боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грёз,
О тебе тоскованье без отдыха нёс?..

А.А.Блок

Вкупе со смертью в душе человеческой издревле утвердилась имеющая иррациональную природу фундаментальная тревога, которая в истории искусств находит важное место, обнаруживаясь даже в невинных детских стихах, – например в стихотворениях "о попавшем в воду мячике", который довольно однообразно воспевали множество поэтов (М.Ю.Лермонтов, Н.А.Некрасов, Т.Г.Шевченко, В.В.Маяковский, С.А.Есенин, А.Т.Твардовский, В.С.Высоцкий и др. см. *дополнение 1*):

Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
– Тише, Танечка, не плачь:
Не утонет в речке мяч.

А.Л. Борто

Ты о мяче,
Что был тебе забавой,
Напрасно слезы льешь,
Не стоит он того:
Игрушки из резины
Могут плавать!
С ним, Таня,
Не случится ничего!

Расул Гамзатов

Татьяна у реки играла,
Любуясь красотой кругом,
Смеялась, пела, мяч катала -
Но в реку вдруг свалился он!

Татьяна, охнув, зарыдала,
И над рекой разнесся плачь...
Ведь дева юная не знала,
Что не утонет в речке мяч.

А.С.Пушкин

И только Булат Окуджава придал образу мячика новый смысл в стихотворении "*О голубом шарике*":

Девочка плачет: шарик улетел.
Ее утешают, а шарик летит.
Девушка плачет: жениха все нет.
Ее утешают, а шарик летит.
Женщина плачет: муж ушел к другой.
Ее утешают, а шарик летит.
Плачет старушка: мало пожила
А шарик вернулся, а он голубой.

В этом стихотворении представлена ситуация недостижимости некоего высшего идеала, характерная для многих перипетий человеческой жизни, итог которой всегда один – смерть, разрешающая все и всяческие проблемы:

Ночь – как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Всё на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День – как день; ведь решена задача:
Все умрут.

А.А.Блок

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА СМЕРТИ

Победа над обуявшей человека фундаментальной тревогой, порожденной страхом смерти, достигается тремя путями :

1) *Путем тленной жизни* – неистовой, бурной, безумной жизни, у которой человек стремится "взять все" благодаря приобщению к эгоцентрическим ценностям гедонизма, который, в сущности, не избавляет от страха индивидуальной смерти, но загоняет его глубоко в подсознание, где этот страх время от времени прорывается наружу в актах "вселенской скорби" и немотивированной агрессии.

2) *Путем нетленной вечности*, которая бережно принимает человека в свои объятия не только после прекращения его земного существования, но и на протяжении всего жизненного пути благодаря приобщению человека к высшим (*непрагматическим*) ценностям, с помощью которых он кардинальным образом преодолевает фундаментальный страх смерти.

3) *Путем свободы и истины* ("и познаете истину, и истина сделает вас свободными" – *Иоан.* 8:32), "совмещающей противоположности" (С.Б.Церетели), когда, с одной стороны, не отрицаются, и даже утверждаются ценности жизни, а с другой, – ценности вечности также утверждаются, что приводит к примирению тленной жизни и нетленной вечности, а по сути – к примирению жизни и смерти.

Данная позиция *примирения жизни и смерти* иллюстрируется высказыванием Л.Н.Толстого, который полагал, что для того, "чтобы полюбить жизнь, надо полюбить смерть".

Связь же свободы и примирения со смертью показана М.Монтенем, который писал, что "размышлять о смерти – это значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения. И нет в жизни зла для того, что постиг, что потерять жизнь – не зло".

Связь истины и примирения со смертью (когда смерти не страшатся) иллюстрируется словами Сократа, который утверждал, что знание есть непреходящая добродетель. Данная сентенция

находит подтверждение в опыте людей, возвратившихся к жизни после клинической смерти (см. книги Р.Моуди, в которых повествуется о феномене клинической смерти, приоткрывающей для человека вечную жизнь в посмертии): многие из них начинали напряженно учиться, получать первое, второе образование и т.д., что свидетельствует о том, что познание человеком мира выступает ценностью, не исчезающей в потусторонней реальности.

Ориентация человека на непрагматические ценности, которые мы здесь наблюдаем, фиксирует единство свободы (от мира и тленной жизни) и истины, что реализуется в **актах творчества**, которое также непрагматично, самодостаточно (подобно "искусству ради искусства), свободно (надситуативно, неадаптивно, выходит за рамки прагматической целесообразности), а также направлено к познанию человеком себя и мира, ориентируясь на ситуации неопределенности, проблемности, парадоксальности.

Человек, совмещающий стремление к познанию (истине), творчеству, свободе, а также примирение со смертью (бесстрашие перед лицом смерти) обладает высшим авторитетом среди большинства людей, боящихся смерти, несвободных от мирских благ, избегающих познания и творчества. Такой человек становится святым учителем, подобно А.С. Макаренку (см. **дополнение 2**).

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Приведенная триадная структура процесса осознания человека своей смертности коллелирует с краугольными ценностными ориентациями человека и общества, которые мы находим у П.А. Сорокина, писавшего о трех типах этических норм, соответствующих трем этапам развития культурно-исторического субъекта [Сорокин, 1992, с. 488–489]:

1) **Чувственные** этические нормы: "Максимум счастья для максимального числа людей. Высшая цель – наслаждение. Давайте есть, пить, веселиться, ибо завтра нас уже не будет. Вино, женщины и песня. Следуй своим желаниям, покуда жив... Жизнь коротка, давайте насладимся ею".

2) **Идеациональные** (сверхчувственные) этические нормы воплощены в канонах новозаветного христианства: "Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют... но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут". "Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благодарите ненавидящих вас и молитесь на обижающих и гонящих вас. "Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный" (*Матф. 9–14*). Или: "поступок всегда будет хорош, когда он представляет собой победу над плотью; он будет дурен, если плоть победила душу, и он будет безразличен, если ни то, ни другое" [*Кропоткин, 1991, с. 290*]. В форваторе этих норм находятся этические системы индуизма, буддизма, даосизма, зороастризма, иудаизма, то есть практически всех мировых религий.

3) **Идеалистические** этические нормы (синтез двух вышеприведенных этических систем): "Полное счастье человека не может быть ничем иным, кроме как видением божественной сущности (Фома Аквинский, "*Сумма теологии*"); "...насколько возможно надо возвыситься до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей высшему в самом себе" (Аристотель, "*Никомахова этика*"). "В убеждении, что душа бессмертна и способна переносить любое зло и любое благо, мы все будем держаться высшего пути и всячески соблюдать справедливость

вместе с разумностью, чтобы, пока мы здесь, быть друзьям самим себе и богам... и в том тысячелетнем странствовании... вам будет хорошо" (Платон, "Государство").

Мы интуитивно понимаем, что путь нетленной вечности исполняет человеческую жизнь единым импульсом (природа которого – целостность, соборность, божественность), в то время как путь тленной жизни расщепляет человека на множество желаний, делая данного человека заложником своих многочисленных и часто изоцирленно-преступных страстей, граничащих с *некрофилией*.

И если стремление к вечности выступает иррациональной установкой человека (поскольку логически обосновать вечность, лежащую вне поля рациональных построений человеческой мысли, крайне сложно), то стремление к жизни делает человека рациональным существом, стремящимся рациональным же образом погасить свой базальный страх смерти. А это приводит к противоположному результату, так как результатом процесса рационализации того или иного явления всегда выступает его *объективация*. Поэтому рационализация смерти приводит к ее объективации, что убедительно доказал Э.Фромм в книге "Анатомия человеческой деструктивности", где показано, что рациональное – то есть упорядоченное, дифференцированное, иерархичное – есть суть некрофильное, поскольку любая дифференциация жизненного объекта есть его расчленение и омертвление (см. *дополнение 3*).

РЕАЛИЗАЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СФЕРЕ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ЧЕЛОВЕКА

На уровне высших психических функций человека – в сфере полушарий головного мозга – пути тленной жизни, нетленной вечности и свободы/истины соотносятся с *лево-, право- и межполушарными стратегиями познания и освоения мира*.

Если правополушарный тип характеризуется эмоциональностью, целостностью, интуитивностью, *открытостью, энергоизбыточностью*, то левополушарный – отсутствием эмоциональности, дискретностью, рациональностью, *закрытостью (аутичностью), энергонедостаточностью*.

С *правополушарным* типом восприятия и освоения действительности коррелируют эмпатия, альтруизм и неагрессивность, открытость, иррациональность, экстравертированность, художественно-эмоциональный способ восприятия действительности с полным доверием, стремящийся объять мир в виде целостной сущности, парадоксально-многозначное познание мира, что в определенном смысле сродни творческому освоению реальности.

С *левополушарным* типом восприятия и освоения действительности коррелируют интавертированность, педантичность, рациональность, любовь к порядку, абстрактно-логическое мышление, тяга к структурированию мира, стремление его разять, умертвить, поместить в рамки сухих догм. На уровне поведенческих реакций этот процесс порождает агрессию, которая проистекает из эгоцентрического начала – из фактора, который способствует разделению внутреннего и внешнего миров человека. Этот вывод подтверждается исследованиями О.Ф. Кинцеля, который показал, что насильственные преступления, которые осуществляют люди, так или иначе предопределяются тем, что эти *люди имеют очень жесткую границу между своим “Я” и внешним миром*, то есть их "буферная зона" (личное пространство, в котором они чувствуют себя комфортно) больше в несколько раз, чем буферная зона обычного человека. Исследования показывают, что немцы чувствуют свое индивидуальное пространство больше, чем другие народы Европы,

что способствовало их военным экспансиям. При этом эта особенность предопределяет архитектуру Германии, поскольку что здесь сооружения имеют функциональное задание в определенной степени изолировать человека от окружающего мира [Фаст, 1995, с. 70-71, 356-357, 359].

Следует также сказать и о *межполушарном* типе восприятия и освоения мира, характерном для *функционального синтеза* полушарий головного мозга, когда они работают синхронно, слаженно, гармонично, что имеет место в состоянии медитации, где, как свидетельствуют энцефалографические исследования, наблюдается функциональная синхронизация полушарий, то есть полушария выступают единым целым [Murphy, Donovan, 1985].

Данное состояние характеризует человека творческого: человек способен совмещать полярные аспекты мира, выступает творческим существом, поскольку, как показывают эксперименты, люди с высоким творческим потенциалом лучше ассоциируют понятие с противоположными значениями, чем с подобными [Ротенберг, 1984, 1985]. В связи с этим отметим, что творчество как процесс соединения и взаимного "погашения" контрастных и противоречивых сущностей (в нашем случае право- и левополушарную стратегии познания) и создания новых целостностей (смыслов), является главной чертой эволюционного механизма. Как пишет Ф. Кликс, важнейшая предпосылка появления нового качества складывается тогда, когда две системы, которые независимо возникли для выполнения разных функций, вступают между собой во взаимодействие. Это взаимодействие порождает новое качество, при этом две изначальные структуры сохраняются в новом функциональном единстве как ее частичные подсистемы однозначности [Кликс, 1983, с. 266].

Согласно В.С. Ротенбергу, творческие люди могут сохранять состояние неопределенности, владея возможностью рефлексировать и использовать одновременно несколько противоположных друг по отношению к другу идей, понятий, представлений. И, как следствие, творческие люди могут исследовать такие отношения и связи, которые является недоступными для тех, кто склоняется к ясности и однозначности [Ротенберг, 1984, 1985].

Тенденция к омертвлению реальности, связанная с активизацией левополушарного духа рационализма в Новейшее время, особенно усилилась к середине XX столетия и "стала заметной во многих сферах литературы и искусства, где объектом изображения все чаще становится механистическое, безжизненное, деструктивное начало. Предвыборный лозунг фалангистов "Да здравствует смерть!" грозит превратиться в принцип жизни самого общества, в котором победа машин над природой стала символом прогресса, а сам живой человек становится всего лишь придатком машины" [Фромм, 1994, с. 28].

В Новейшее время, когда наблюдается доминирование левополушарного знания над правополушарным, что приводит к экспансии рационально-специализированного знания во все сферы научной мысли (см. *дополнение 4*), наблюдается изменение *отношения ученого сообщества к научному факту*.

Правополушарная и межполушарная психика делает факт частью концептуально-ценностного мира человека, способствуя объединению и унификации фактов, относящихся к разным сферам науки и техники, а также самой жизни, что делает факт транснаучной категорией и повышает его роль в процессе верификации новых знаний.

Левополушарная же психика делает факт дискретной, чисто экспериментальной категорией, что наблюдается в процессе роста научной специализации: как пишет А. А. Потеня "наука раздробляет мир, чтобы сызнова сложить его в стройную систему понятий, но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого не вошедшего в нее факта, а число фактов не может быть исчерпанным" [Потеня, 1989], когда даже многих тысяч фактов не хватит для того, чтобы полностью обосновать теорию, но достаточно лишь одного факта, чтобы ее опровергнуть.

Утверждение человека в *правополушарной сфере* превращает его существование в исполненное правополушарным смыслом *вечное бытие*, делающее человека творческим дилетантом: как писал М. Борн, "меня никогда не привлекала возможность стать узким специалистом, и я всегда оставался дилетантом даже в тех вопросах, которые считаются моей областью". В этом отношении интерес представляет сентенция А.И.Фурсова о том, что "узкая специализация – удел насекомых".

Данная ситуация, как пишет Э.Морен, требует коренной перестройки образования, "Отсюда вытекает необходимость – для будущих систем образования – великого воссоединения рассеянных знаний, являющихся результатами исследований в естественных науках, с целью осмысления места человека в мире, а также знаний, накопленных в гуманитарных науках, чтобы пролить свет на многомерность и сложность человека. В это научное знание необходимо интегрировать неоценимый вклад гуманитарного знания и культуры, не только философии и истории, но также и литературы, поэзии, искусства..." [Морен, 2007, с. 56-50].

Замыкание в рамках *левополушарной сферы* делает наше существование дискретным, конечным, *смертным*, то есть наполняет нашу жизнь левополушарным рационально-специализированным смыслом, превращающим человека в узкого специалиста, что приводит ко множеству проблем во всех сферах человеческого бытия. Данную ситуацию можно пояснить словами Э.Морена:

"В условиях нарастающей специализации научных дисциплин в течение XX века в познании мира произошли гигантские прогрессивные сдвиги. Но эти прогрессивные сдвиги рассеяны и не связаны друг с другом именно по причине такой специализации, которая часто приводит к отрыву от контекста, от рассмотрения глобального и сложного. В результате этого в самих недрах систем образования накопились огромные препятствия для осуществления надлежащего познания сложного мира.

В образовательных системах проводится жесткая разграничительная линия между гуманитарными и естественными науками, науки разделяются по дисциплинам, ставшим сверхспециализированными, замкнутыми на самих себя.

Таким образом, глобальные и сложные реальности раздроблены. Человек расчленен: его биологическое измерение, включая мозг, находится в ведении биологии; его психическое, социальное, религиозное, экономическое измерения отделены друг от друга и отданы на рассмотрение в различные разделы гуманитарных наук; его субъективные, экзистенциальные, поэтические качества изучаются в отделах литературы и поэзии. Философия, которая призвана, по своей природе, размышлять о

целостном человеке, оказалась, в свою очередь, замкнутой на саму себя.

Фундаментальные и глобальные проблемы вынесены за пределы научных дисциплин. Они рассматриваются только в философии, но при этом более не подпитываются новыми достижениями в научных дисциплинах.

Разум, на формирование которого оказали решающее влияние специальные дисциплины, теряет свою естественную склонность контекстуализировать знания и интегрировать их в естественные совокупности. Ослабление восприятия глобального ведет к ослаблению ответственности (когда каждый человек имеет склонность быть ответственным только за свою специализированную задачу) и к ослаблению солидарности (когда индивид теряет ощущение связи со своими согражданами)...

Фактически сверхспециализация (то есть специализация, которая замкнута на саму себя, не позволяет интегрировать себя в глобальную проблематику или создать целостное концептуальное представление об объекте, который она рассматривает только в одном аспекте или в одной части) препятствует пониманию глобального (которое она расчленяет на части), а также существенного (которое она растворяет). Она также служит препятствием для корректного обсуждения частных проблем, которые могут быть поставлены и осмыслены только в своем контексте. А ведь важнейшие проблемы никогда не могут быть разделены на части, а глобальные проблемы становятся все более и более существенными. Тогда как общая культура стремилась искать подходящий контекст для любых информационных данных для всякой идеи, научная и техническая дисциплинарная культура раздробляет знание на части, разъединяет и распределяет по дисциплинарным отделам, все более и более затрудняя понимание в их собственном контексте.

Сквозное разделение дисциплин приводит к невозможности постигнуть "то, что соткано воедино", т. е. сложное в его буквальном и первоначальном смысле [Морен, 2007, с. 56-50].

Реализация человека в сфере *межполушарной психики* утверждает единство вечного и смертного (когда вечное может превращаться в смертное, а смертное трансформируется в вечное¹).

Данное единство на уровне человеческого существования реализуется *в единстве жизни и смерти*, что можно пояснить мыслями Л.Н. Толстого:

"Удивительна непредвиденность людей, не думающих о смерти, и поэтому не думающих о жизни".

"Чтобы полюбить жизнь, надо полюбить смерть".

Соединение жизни и смерти на экспериментальном уровне приводит к усилению жизни: в момент смертельной опасности человек испытывает колоссальный подъем своей энергии, что часто порождает любовь к людям, вызвавшим эту опасность, поскольку любовь также сопровождается необычайным психоэмоциональным возбуждением (см. "Стокгольмский синдром" – *дополнение 5*).

Приведенная *способность человека соединять противоположности* превращает человеческое существо в субъекта транспрофессионализма, творческую личность, которая по своей природе выступают "системным аналитиком" – человеком, стремящимся объединить в целокупные сущности все то, что было разъято в результате научных исследований: системный анализ есть "средство борьбы со сложностью, средство поиска простого в сложном" [*Черняк, 1975, с. 51*], когда "теория систем должна строиться на методе упрощения и, в сущности, быть наукой упрощения... в будущем

¹ Данная ситуация реализуется в *Боге-Сыне*, Который не только совмещает "нераздельно и неслиянно" божественную и тварную природы, но и интегрирует два полярных качества реальности – смерть и вечную жизнь. Если же соотнести лица Троицы с право-, лево- и межполушарными состояниями реальности, то напрашивается интерпретация Гегелем *Троицы*, предстающей как своеобразная триада, которая лежит в основе его философской системы. *Бог-Отец* воплощается в царстве логический категорий (Логика), *Бог-Сын* – это мир сотворенный (царство Природы). Христос умирает в этом мире и воскресает в царстве *Духа*, который являет собой синтез двух первых царств (Дух). Гегель, размышляя по поводу триадичности мира, полагал, что "Бог как абстракция не есть истинный Бог, а истинным Богом Он является лишь как живой процесс полагания Своего другого – мира; этом мир, постигаемый в божественной форме, есть Сын Божий, и лишь в единстве со Своим иным, лишь в Духе Бог есть субъект" [*Гегель, 1975, т. 2, с. 24-25*].

теоретик систем должен стать экспертом по упрощению" [*Эшби, 1966, с. 177; см. также: Хале, 1965*].

Более того, теоретический анализ в его идеальном виде реализует приведенный выше системный принцип: "Одна из главных целей теоретического исследования – найти точку зрения, с которой предмет представляется наиболее простым" (Дж.У. Гиббс)², ибо "Когда человек не понимает проблему, он пишет много формул, а когда наконец поймет в чем дело, остается в лучшем случае две формулы" (А. Пуанкаре). Как писал Я.А.Коменский, "истина может быть только единственной и простой; ошибка же может иметь тысячу видов".

² Это согласуется с принципами экономии (наименьших усилий, наименьшей работы, экономии энтропии и др.): еще в 1746 году Пер Луи де Мопертюи сформулировал принцип минимума диссипации (рассеивания энергии), согласно которому совершенство Вселенной предполагает экономии энергии, когда любой процесс в природе должен характеризоваться минимальной величиной: природа, производя действия, всегда пользуется наиболее простыми средствами, а количество действия всегда является наименьшим. Из кристаллографии известно, что целостность предметов, имеющих кристаллическую структуру, поддерживается на минимальном энергетическом уровне, то есть на уровне "минимальной энергетической достаточности". Как отмечает Г.С.Шаталова в книге "*Здоровье человека: Философия, физиология, профилактика*", "каждый живой организм извлекает из окружающего мира ровно столько энергии, сколько необходимо для его нормальной жизнедеятельности. При этом все процессы, происходящие в его внутренней среде, осуществляются с наименее возможными в каждый данный момент времени энергозатратами. Иначе говоря, природа не терпит энергетической расточительности и наказывает ее, как свидетельствует опыт человечества, тяжелыми хроническими болезнями, ранней немощной старостью и преждевременной смертью".

В связи с этим А. К. Сухотин в книге "*Парадоксы науки*" делает вывод о плодотворности упрощений, который подтверждается результатами специальных тестов, проведенных психологами и теоретически обоснованных еще академиком А.Н. Колмогоровым: установлено, что ученики уверенно решают задачи, предъявляемые в обобщенных структурах, чем когда это же содержание задано в конкретных формах [Сухотин, 1978, с. 161]. При этом *данные обобщенные структуры характеризуются определенным зарядом парадоксальности и нечеткости, поскольку выступают понятийно изоморфными "лекалами" для огромного количества категорий и понятий.* Данный вывод находит подтверждение и в исследованиях О. В. Третьяка, директора *Института высоких технологий (Киевский национальный университет имени Т. Шевченко)*, эксперименты которого показывают, что ученики и студенты лучше осваивают учебный материал, сконструированный из понятий, имеющих "нечеткие семантические очертания", что позволяет объединять их в целостные смысловые конгломераты, устанавливая строго логические и нечеткие метафорические связи между концептуально далекими друг от друга реалиями и теоретическими объектами, что соответствует творческому – нечеткому, диалектическому, многозначному, метафорическому, многомерному – способу познания и освоения мира.

Такая стратегия познания отвечает мнению Э. Морена, который в книге "*Образование в будущем: семь неотложных задач*" пишет следующее: "Надлежащие методы познания должны безбоязненно смотреть в лицо сложности, комплексности. Слово *complexus* означает то, что соткано, или сплетено воедино. В самом деле, сложность появляется тогда, когда различные элементы, составляющие целое, становятся неотделимыми друг от друга (как, например, экономическое, политическое, социологическое, психологическое, эмоциональное, мифологическое) и когда существует взаимозависимая, интерактивная и взаимная ретроактивная ткань между объектом познания и его контекстом, частями и целым, целым и частями, частями между собой. Поэтому сложность представляет собой связь между единством и множественностью. Достижения нашей планетарной эры все чаще и все более неотвратимо бросают нам вызов сложности. Стало быть, образование должно способствовать развитию "общем способности мышления", включающей в себя

умение понимать сложное, контекст, многомерность и глобальные отношения" [Морен, 2007, с. 49].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУКИ

Упомянутую триаду лево-, право- и межполушарной стратегий познания отражает наиболее общая модель реальности, представленная в виде триады:

человек – граница – мир

Общая модель реальности (*человек – граница – мир*) как философская категория выражает всеобщее знание, выступая при этом методологическим основанием реальности, поскольку данная модель выражает сущность методологии как парадигмы познания, заключающейся в кристаллизации идеального всеобщего знания, одним из аспектов которого и выступает общая модель реальности.

Методология же рассматривает реальность в контексте трех плоскостей (сфер) –

всеобщего (мир),

единичного (человек) и

особенного – граница, которая реализует *отношение* человека и мира, объединяет и одновременно их разделяет (важно отметить, что применительно к антропной парадигме, рассматривающей человека как "мерило всех вещей"³, всеобщим можно полагать человека, а единичным – мир), выражая при этом сущность особенного, которое принципиально реляционно, то есть проистекает из *отношения* предметов и явлений друг к другу, что и позволяет вычленять в них особенные черты.

В связи с этим можно утверждать, что *высшим уровнем любого знания является тот его аспект, который приобретает методологический смысл, то есть включается в сферы всеобщего, особенного и единичного, которые способны к взаимной рефлексии* (см. [Субетто, 2018]).

³ Н.А. Бердяева: "Бесконечный дух человека претендует на абсолютный, сверхприродный антропоцентризм, он осознаёт себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, но всего бытия, всех планов бытия, всех миров. Человек не только природное существо, но и сверхприродное существо, существо божественного происхождения и божественного предназначения, существо, хотя и живущее в "мире сем", но "не от мира сего"

В этом смысле знание приобретает *истинный характер*, поскольку объединяет противоположности (отвечая принципу истины С.Б.Церетели; "истина есть единство противоположностей"):

всеобщее (которое отражает наиболее общие принципы реальности – так называемые "матрицы знаний") и

единичное (конкретное воплощение знания в сфере отдельного факта, явления), когда в дискретном факте удается увидеть действие всеобщего; данная когнитивная стратегия свойственна философской рефлексии, которая, как известно, оперирует наиболее абстрактными категориями и нацелена на постижение всеобщего, что можно проиллюстрировать размышлениями Н. А. Бердяева, взятыми из его автобиографической книги "*Самопознание*" [Бердяев, 1990, с. 84-85, 206], где философ пишет о своем философском инструментарии, позволяющем "в конкретном узреть смысл и универсальность": "Самые ничтожные явления жизни вызывают во мне интуитивные прозрения универсального характера".

Проведенный анализ позволяет построить методологическую схему соответствий сущностных аспектов реальности:

Таблица 1

Методологическая схема соответствий сущностных аспектов реальности

<i>Ценностные системы</i>	<i>Элементы общей модели реальности</i>	<i>Наиболее общие аспекты материи</i>	<i>Законы диалектики</i>	<i>Методологические сферы</i>
Сверхчувственные	Мир	Пространство/поле	Единство и борьба противоположностей	Всеобщее
Идеалистические	Граница	Движение/физический вакуум	Отрицание отрицания	Особенное
Чувственные	Человек	Время /вещество	Переход количества в качество	Единичное

1) *Мир* в целом реализуется в методологической плоскости всеобщего. Наиболее фундаментальная и существенная характеристика мира связана с пространством/полем, обладающем определенными измерениями, характеризующимся протяженностью и неопределенной локализацией. *Пространство/поле* в силу универсального характера реальности имеет универсальную же структуру, которая реализуется в *универсальной модели бытия* (см.: Вознюк А.В. Универсальные матрицы знаний:

аксиоматический, теоретический и прикладной аспекты), выражающей принцип единства и борьбы противоположностей.

2) **Человек** реализуется в методологической плоскости единичного, наиболее фундаментальная характеристика которого реализуется в контексте времени и вещества. **Время/вещество** как принцип качественного изменения предметов и явлений (соотносится с диалектическим законом перехода количества в качество) выступает универсальным процессом (отражающим диалектический закон перехода количества в качество), обнаруживая универсальную же схему этого изменения в контексте **теории критических явлений**, фиксирующей нейтральные переходные точки, имеющие межкачественный характер, поскольку в них старого состояния развивающегося предмета уже нет, а нового – еще нет. Гегель рассматривал такое состояние индифференции, равновесия противоположностей как ключевое условие, "пусковой" момент перехода бытия в сущность. Это состояние Гегель определяет как "форма бесформенного", а современные философы – как экзистенцию, или "бытием-между" (inter-esse).

3) **Граница** реализуется в методологической плоскости особенного, поскольку выражает принцип связи отношения мира и человека, который в силу его относительности и парадоксальности (невозможно точно определить статус границы в плане ее принадлежности – либо человеку, либо миру, либо самой себе) наделяет границу атрибутом особенности, уникальности и свободы, а значит выражает природу личности, которая уникальна, тождественна только себе и свободна. **Движение/физический вакуум** выражает принцип перманентного изменения предметов и явлений (физический вакуум как среда перманентной флуктуации виртуальных частиц представляет собой движение в чистом виде), который воплощает диалектический закон отрицания отрицания, иначе называемый законом трех отрицаний: считается, что изменения в природе и обществе происходят в связи с тем, что движущийся объект попадает из одного состояния в другое, а из того – в третье, когда каждый последующий статус данного объекта отрицает предыдущий. Достаточно три таких отрицания, чтобы предмет формальным образом пришел к первому состоянию, но на более высокой стадии развития: "всякое явление,

развиваясь до конца, превращается в свою противоположность; но так как новое, противоположное первому явление также в свою очередь превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой" [*Плеханов, 1956, с. 693*]. Отмеченный закон иначе можно назвать **универсальной парадигмой развития** (см.: [Вознюк А.В. Универсальные матрицы знаний: аксиоматический, теоретический и прикладной аспекты](#)), который соотносится с диалектическим законом отрицания отрицания.

ЦЕННОСТНЫЙ БАЗИС НАУКИ

Отмеченная универсальная триадная организация реальности обнаруживается на уровне человеческого существа, которое, как представитель животного мира, триадно, обнаруживая мужское, женское и детское (асексуальное) начала. Как мыслящее существо человек также реализует связанные со специализацией полушарий головного мозга три психических модуса (отличия между которыми *не являются однозначными*, поскольку полушарные функции способны дополнять и компенсировать друг друга):

правополушарный, образно-эмоциональный целостно-континуальный (выражающий принцип *единого*), отвечающий мышлению по аналогии (традукции),

левополушарный, абстрактно-логический, множественно-дискретный (выражающий принцип *множественного*), отвечающий линейному мышлению (дедукции и индукции),

полушарный синтез (выражающий принцип *целого*), отвечающий интуитивному мышлению (инсайт).

Отметим, что *полушарный синтез* выступает психической и физиологической целью развития человека. Это предполагает соединение образно-эмоционального и абстрактно-логического, то есть многозначного и однозначного контекстов восприятия и освоения действительности (что выражается в *дипластии* – фундаментальной способности человека соединять противоположные аспекты реальности), когда, с одной стороны, человек владеет образным умением видеть общее в конгломерате множества вещей и их свойств, а с другой – способен к тонкой абстрактно-логической дифференциации множества вещей и их свойств.

Такая синтетическая способность человека (которая, как показывают энцефалографические исследования, обнаруживается в творческом состоянии медитации) позволяет ему проводить представленные в нашем исследовании *синтетические операции обобщения* – нахождения соответствия между различными вещами (в нашем случае, триадами).

Приведенные синтетические операции подвластны, хотя и с трудом, *правополушарному человеку*, обладающему художественно-образным видением, позволяющим справлять в образном горниле множество аспектов реальности, однако при этом ограничивается

возможность осуществлять тонкую дифференциацию этих аспектов, что и делает данную процедуру для правополушарного человека трудной и даже, порой, бессмысленной.

Для **левополушарного человека** приведенные синтетические операции также даются с большим трудом, поскольку такой человек способен воспринимать и анализировать множество оттенков реальности, однако процедура слияния этих оттенков в нечто целое может вызвать у левополушарного человека, обладающего логико-математическим складом ума, определенное отторжение.

Современная наука как форма общественного сознания является, в основном, **линейно-технократической по своей природе и организации**. А это приводит к тому, что в высшие эшелоны научной иерархии выбиваются левополушарные индивиды, направляющих вектор научного поиска в технократическом направлении, превращая этот поиск в "цифровую" процедуру и лишая его духовно-эмоционального смысла. Такой порядок вещей в современном мире привел его на грань морального вырождения и экологического коллапса, что вполне объяснимо: энергетическая обесточенность, почти полное отсутствие правополушарного эмоционального потенциала у технократов (и технократических корпораций) направляет их усилия на организацию широкомасштабной энтропизации – разрушения социоприродной среды, что позволяет разрушителям восполнять свой энергетический дефицит – упорядочивать свою жизненную структуру за счет разложения порядка внешней среды.

В плане психической организации такой разрушитель выступает **психопатом**, характеризующимся левополушарными шизоидными чертами – бессердечием по отношению к окружающим его людям, неспособностью как к признанию своих ошибок, так и к эмпатии и сопереживанию, раскаянию, к переживанию сложных и тонких эмоций (таких как привязанность, вина, радость, любовь), что делает такого человека холодноэмоциональным эгоцентричным существом, характеризующимся поверхностью эмоциональных реакций, мелкими целями и "плоским" воображением. Однако при этом психопат может завоевывать сердца своих поклонников благодаря развитой артистичности, умению имитировать эмоциональные реакции.

Однако это вовсе не значит, что каждый человек, имеющий техническое образование или обладающий техническим менталитетом неизменно является разрушителем. Напротив, образование в области точных наук часто выступает фактором, компенсирующим эмоциональный строй психики правополушарных людей, которые стали технарями с целью разрешить проблемы, связанные с их излишней эмоциональной уязвимостью. С другой стороны, чистые технари в результате своего развития могут значительно расширить правополушарный способ познания мира, что приводит их в лагерь талантливых и даже гениальных людей.

Таким образом, на уровне человеческого существа единое и множественное находят отражение в феномене функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека, правое из которых (являясь эмоционально-образной, интуитивно-подсознательной стратегией постижения мира) ориентировано на восприятие и освоение *энерго-полевого*, а левое (являясь абстрактно-логической, дискретно-сознательной стратегией познания мира) – на восприятие и освоение *вещественно-информационного* аспекта реальности. Единство полушарных функций дает нам выход в сферу целостного, интегрального бытия – *физического вакуума*, или *эфира*.

При этом правополушарный энерго-полевой модус реализует *нормальную* фазу психики (адекватное реагирование нервной системы на сильные и слабые раздражители внешней среды), левополушарный вещественно-информационный модус – *парадоксальную* фазу (нервная система отдает предпочтение слабым сигналам внешней среды, имеющим информационный характер), а модус синхронизации полушарий – *уравнительную* фазу (слабые и сильные сигналы внешней среды уравниваются, то есть воспринимаются с одинаковой интенсивностью).

Подобно тому, как развитие Вселенной идет от полевого к вещественному ее аспекту (см. парадокс "Наблюдатель" с его "редукцией волновой функции"), а от него к их единству, так и развитие человека в онто- и филогенезе идет от правого полушария к левому, а от него к их функциональному единству (что проявляется в феноменах творчества, медитации, молитвы, парадокса, чуда...).

Правополушарный модус человека реализует слияние человека со Вселенной, в результате чего он получает доступ к генерирующему реальность источнику – Высшей Реальности ("Наблюдателю"). Это состояние слитности с окружающей средой характерно для животных

(они, в известном смысле, не выделяют себя из среды своего существования), дикарей, маленьких детей (у которых еще не развито их личностное начало – "Я").

Посредством левого полушария человек выделяет себя из среды своего существования и развивает свое индивидуально-личностное начало, мыслит и проявляет волю, манипулируя действительностью.

Если процессы правого полушария (эмоции, traduction, образотворчество) кристаллизуют единства, генерируют энергию, уменьшают энтропию, то процессы левого полушария (логика, воля, дедукция и индукция) генерируют информацию, увеличивают энтропию среды.

Психофизиологический, а также духовный смыслы жизни человека – функциональный синтез полушарий, приведение к функциональной синхронизации правого и левого полушарий, то есть приведение левого полушария в "лоно" правого, "обуздание" аналитико-дифференцирующих процессов левого полушария процессом смыслообразования правого полушария, что можно назвать созданием смыслов посредством интеграции абстрактных, дискретных (энтропийных) объектов левого полушария образными формами правого полушария. Это способствует уменьшению энтропии и сопровождается генерацией энергии как *системного свойства целого*.

В этом состоит одна из целей творчества как способа построения целостных смыслов (а также медитации, молитвы как механизма связи с бытийным целым – Высшей Реальностью). Данный вывод подтверждается экспериментально опытами с людьми, занимающимися творчеством.

"Когда участники эксперимента решали задачи, требующие творческого подхода, приборы регистрировали у них... снижение биоэлектрической активности мозга, как это бывает в состоянии полного покоя, даже дремоты. Впрочем, не у каждого, а лишь у тех, чей творческий потенциал достаточно высок. У них такая работа не то что утомления не вызывала – они словно отдыхали в ней. Более того – активность мозга в это время была даже ниже, чем в расслабленном пассивном состоянии. Как будто интенсивный труд творческим личностям давался легче, чем отдых" [Дмитрук, 1989, с. 33].

Итак, можно говорить о таком способе организации Вселенной, который предполагает три модуса – *единое* (поле), *множественное*

(вещество) и *целое*, в котором интегрируются единое и множественное и в котором снимаются противоречия между этими двумя противоположными модусами Вселенной. Целое с точки зрения научных представлений здесь можно понимать как нейтральное, "нулевое" состояние материи, как универсальную вакуумную симметрию, как эфир – первый химический элемент аутентичной Таблицы химических элементов Д.В.Менделеева.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК)

Рассмотренную триадную модель ценностей П.А. Сорокина в силу единства мира можно дополнить множеством триадных же систем, элементы которых согласуются с элементами приведенной триадной модели ценностей: формы освоения мира человеком (аксиология, праксиология, гносеология), способы развития и социализации человека (воспитание, обучение, образование), традиционные цели развития человека (компетентный специалист, гармоничная личность, гражданин-патриот) и др.

Данная триадная модель реальности соответствует структуре реальности А.Ф.Лосева (единое – множественное – целое), наиболее общей философской структуре реальности (внутреннее – граница – внешнее, или: человек – граница – мир), трем лозунгам Великой французской революции (свобода, равенство, братство), а также психологической структуре человека: правое полушарие как подсознание, реализующее иррациональный способ отражения реальности (единое, внутреннее), левое полушарие как сознание, реализующее рациональный способ отражения реальности (множественное, внешнее), полушарный синтез как сверх-сознание, реализующее медитативный способ отражения реальности (целое, граница).

Проведенный анализ особенностей ценностной сферы человека и общества, а также их триадной структуры позволяет говорить о трех *альтернативных мировоззренческих установках человека и общества*, которые кристаллизуют три разные картины реальности.

1) Мир несправедлив, каждый за себя ("человек человеку волк"), выживает сильнейший в результате борьбы за существование и естественного отбора (Г. Спенсер: "выживают наиболее способные"); основная цель жизни – получение удовольствий; мир множественен, он описывается и управляется стохастическими законами; в мире нет равенства; мир материален; после смерти человека ничего не ожидает; это мир без Творца, где "все позволено": "Бога никто не видел". Самая большая ценность жизни – сама жизнь. В мире действует причинно-следственная зависимость, где "закономерности пробивают себе дорогу среди случайностей", где реализуются законы, постигаемые левополушарной абстрактной однозначной классической логикой, которая призвана все доказывать и которая базируется на аксиомах,

имеющих "логический иммунитет", когда их невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Поэтому полное логическое обоснование всех без исключения положений любой теории невозможно в рамках данной теории. Это положение, доказанное в теореме К. Геделя и показанное в работах А. Тарского, формируя почву для теоретико-аксиологического релятивизма и плюрализма, приводит к выводу: полное и окончательное объяснение и обоснование чего-угодно принципиально невозможно, поэтому даже существование нашей реальности теоретически невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Соответственно, ***педагогика (как система психолого-педагогических направлений и как наиболее яркий выразитель науки как формы общественного сознания) такого либерального миропорядка*** ориентируется на развитие у представителей элит способностей и направлена на формирование человека как борца за свои интересы, способного выжить в мире, где идет война всех против всех. Другим аспектом либеральной педагогики является педагогика формирования массового человека – человека-винтика, человека-потребителя, человека-раба, человека-специалиста, компетентного в своей области и способного наилучшим образом обслуживать социальные институты общества. Это педагогика "обучения-натаскивания" (посредством тестовых процедур), педагогика ЗУНов (знаний, умений, навыков), которые в совокупности с опытом их применения дают компетентности. Это педагогика "общества знаний", целью которой является формирование у детей научного материалистического мировоззрения. ***Главный инструмент педагогики либерального миропорядка – процесс обучения.***

2) ***Мир справедлив***, соборен, ("человек человеку друг, товарищ и брат"), выживает слабейший при помощи других членов общества. Космосоциоприродный мир един, целостен, он управляется Божественной волей, предопределяющей развитие человека и общества в направлении Царствия Небесного (совершенного состояния общества). В этом мире, где в силу его фрактально-голограммного квантово-эфирного единства все связано со всем и каждое действие встречает противодействие, существуют духовно-нравственные законы воздаяния, которые в научном понимании реализуются в законах сохранения не только материи и энергии, но и эмоционально-мыслительной и поведенческой активности человека. Научные основания для приведенных суждений служат целый ряд моментов, обнаруживающих множество феноменов, например: ***антропный принцип*** (анализ

физической подоплеку реальности позволяет прийти к выводу, что мир создан для человека, поскольку в нем наличествует гармоничное и очень тонкое согласование всех физических констант), *парадокс квантовой физики "Наблюдатель"* (эксперименты с элементарными частицами по их интерференции/дифракции показали, что элементарные частицы ведут себя как волны, создавая волновую "скрытую" реальность, для проявления которой, то есть для превращения волновых свойств элементарных частиц в корпускулярно-вещественные требуется внешний "Наблюдатель", некое Сознание, в результате чего "волновой пакет схлопывается" и возникает вещественно-полевая реальность), *теория возникновения мира из Ничто* – физического вакуума – посредством его расщепления (под воздействием некоего внешнего фактора X – Наблюдателя, Абсолюта, Бога) на *ничто* и *антиничто* – волновую и вещественную составляющие (при этом соблюдаются все физические законы).

Соответственно, *педагогика такого гармоничного миропорядка*, сочетающая высшие образцы коммунистической идеологии и доктрины христианства (а также других мировых религий), ориентируется на принципы коллективизма и сотрудничества, на ценности общинного сосуществования и гармоничного развития человека, сочетающего физическое совершенство, моральную чистоту и духовное богатство, способного к свободному творческому труду в обществе, где "свободное развитие каждого соответствует свободному развитию всех", где "от каждого по способностям и каждому по потребностям", где воцаряется теоцентрическая парадигма образования, предполагающая синтез науки и религии и обеспечивающая формирование у всех участников образовательного процесса мистико-диалектического мышления. ***Главный инструмент педагогики гармоничного миропорядка – процесс воспитания.***

3) Мир и справедлив, и несправедлив одновременно. Справедливость мира реализуется в утверждении, что мы живем в "лучшем из возможных миров" (Лейбниц), то есть в ***совершенной Вселенной***, которая создавалась и создается Богом именно как совершенная. Несправедливость мира реализуется в том, что в мире все же наличествует зло. Соединение двух противоположностей ("Истина – есть единство противоположностей" – С.Б.Церетели), то есть двух противоположных качеств мира интерпретируется в ***первой универсальной матрице знаний*** [Вознюк, 2016], где используется тривиальная философская процедура, рассматривающая отношения

между внутренним и внешним (ноуменальным и феноменальным, субъективным и объективным, содержанием и формой) через призму логики определения, которая утверждает, что определить предмет (его свойства, качества) можно только посредством соотношения этого предмета с тем, чем он не является, то есть с другими предметами, внешним миром. Таким образом, если свойства объекта определяются не сами по себе, а по отношению к внешней среде, в которой данный объект находится, то определять свойства Вселенной (как бытия в целом) можно только по отношению к тому, чем она не является – то есть по отношению либо к *Ничто* (небытию), либо к будущему этой Вселенной, которого еще нет. Поэтому такое свойство Вселенной, как ее *совершенство* определяется как посредством *Ничто*, так и посредством цели ее развития, в результате которого Вселенная, реализуя эту цель, приходит к будущему. Целью Бога в связи с созиданием мира можно считать такую его архитектонику и механизмы функционирования, которые приводят существа, населяющие мир, к Богу. Таким образом, высшей и окончательной целью Божьего творения – есть творение Богом Самого Себя ("Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его" – *Откр. 3, 21*). Главное качество "победившего мир" человека – *свобода от детерминизма* этого мира, что позволяет освобожденному человеку быть вне мира, быть трансцендентальным миру – то есть обладать краеугольным качеством, свойственным Абсолюту. Таким образом, наш мир, несмотря на то, что им правит "князь тьмы", создан как *совершенный* инструмент достижения человеком статуса Бога, поскольку именно в напряженно-трагических условиях бытия мира выковывается человеческая свобода, приводящая человека в лоно Всевышнего.

Соответственно, *педагогика, целью которой выступает достижение человеком свободы, есть креативная педагогика*, педагогика творчества (поскольку единственная форма активности, в которой человек выступает свободной сущностью является творчество как неадаптивная самодостаточная активность, реализуемая ради ее самой), а также педагогика парадокса, то есть *педагогическая парадоксология*, поскольку именно парадокс, освобождающий человека от причинно-следственной зависимости, есть инструмент и результат свободы человеческого мышления. В то время как творческая активность выступает инструментом и результатом свободы человеческого поведения. *Главный инструмент педагогики свободы –*

синтез воспитания и обучения, реализуемый в творческо-медитативном состоянии.

Таким образом, мы рассмотрели три педагогики:

- 1) педагогику либерального миропорядка (обучение),*
- 2) педагогику гармоничного миропорядка (воспитание),*
- 3) педагогику совершенного миропорядка (синтез обучения и воспитания).*

Данные педагогики отвечают модели *педагогических/научных цивилизаций*, которые характеризуются способностью порождать и удерживать в массовой практике глобальные изменения элементов педагогической культуры – социально-исторически обусловленный контекст и результат целостного проявления внутренней специфики педагога как субъекта, носителя культуры, что порождает педагогическое качество реальности. При этом педагогические цивилизации классифицируются по таким аспектам, как: специфика основных механизмов передачи опыта от поколения к поколению; уровень информационной культуры общества; доминанта познавательных установок социума; устойчивые способы кодирования и передачи информации; формы рефлексии педагогической реальности [Бордовская, 2000, с. 45-48; Колесникова, 2001, с. 42-51; Кудаев, 2008, с. 160].

ВЫВОДЫ

Актуальность нашего исследования проистекает из принципа неизбежности смерти человеческого существа, что наполняет человека фундаментальной тревогой, связанной со страхом смерти его тленного тела, выступающего главной жизненной ценностью большинства людей. Если же таковой ценностью становится нечто большее, чем жизнь тела (см. *дополнение 6*), то человек избавляется от довлеющей над ним фундаментальной тревоги.

При этом ориентации

- 1) на тленное тело (смерть),
- 2) на нетленную вечность (вечную жизнь),
- 3) на соединение принципов тленного тела и нетленной вечности

определяют как три ценностные стратегии человека и человечества (чувственную, сверхчувственную и идеалистическую), как три элемента модели реальности (мир – граница – человек), как три методологические сферы науки (всеобщее, особенное, единичное), как три стратегии познания и освоения действительности (правополушарно-иррациональную, левополушарно-рациональную, межполушарно-творческую), так и три цивилизационных проекта (западный, восточный, центральный), которые выражают идею несправедливого мира (западный проект, технократические науки), справедливого мира (восточный проект, гуманитарные науки) и соединение принципов несправедливости и справедливости (центральный проект, философско-религиозные науки).

Особенно важными в силу единства мира и его фрактально-голограммной архитектоники выступают методологические основания науки как формы общественного сознания, которые закладывают главный принцип познания реальности, согласно которому любой предмет/явление нашей реальности должен быть представлен и изучен на основе его рефлексии в трех методологических сферах (всеобщее, особенное, единичное), особенно важной из которых выступает сфера всеобщего, с которой связаны универсальные матрицы знаний [*Вознюк 2016, 2018*] – инвариантные основания любой науки.

ДОПОЛНЕНИЕ 1
ПОЭЗИЯ О МЯЧИКЕ, КОТОРЫЙ НЕ ТОНЕТ В ВОДЕ

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ:

Не плачь, не плачь, моё дитя!
Не стоит мяч безумной муки!
Он укатился от тебя –
Не дался мяч в младые руки.
Да мало-ль в мире есть мячей!
Ах, Таня! Не страдай напрасно!
Коль мяч в реке – он стал ничей,
Пусть уплывает! Все прекрасно!

Н.А. НЕКРАСОВ:

Не гром над рекой громыхает,
Не небо упало к ногам -
То девочка Таня рыдает,
А мячик плывет по волнам!
Не стоит так плакать, Танюша!
И слёзы, и сопли утри:
Ведь мяч твой – в воде, как на суше,
Не тонет в реке, посмотри!

Т.Г. ШЕВЧЕНКО:

Ручки ломает,
все глазоньки выплавав,
Смотрит на мячик,
что в реку упал,
Дитяtko Таня...
И горестным выкриком
Господа просит,
чтоб помощь послал.
Ей ведь не ведомо -
(годы-то малые!),
То, что резину

не тянет ко дну.
Знала бы бедная -
сразу достала бы
Мяч из реки,
словно с неба луну...

В.В. МАЯКОВСКИЙ:

Плачет-рыдает
девчонка
Танька:
В реку
случайно
заброшен мяч.
Что-же ты
медлишь,
безрукая
нянька,
Слушая
детский
отчаянный
плач?
Ты-то ведь
знаешь,
что мяч
из резины,
Что никогда
не пойдет он
ко дну?!
Дать бы
по мягкому месту
лозиной,
Чтоб
не бросала
девчонку
одну!

А.БЛОК:

Речка. Мяч. Дитя. Забава:
Скок-по-скок, и мяч в реке.
Словно горькая отравка,
Льются слезы по щеке.
Падают на грудь потоком:
Мяч уносит вдаль вода...
Таня! Плакать, ведь, нет проку –
Мяч не тонет никогда!

С. ЕСЕНИН:

Ах, Танюша моя! Ах, дитя!
Отчего так бледны твои щеки?
Оттого-ли, что мяч ты шутя
С берега к речке скатила глубокой?
Только слезы напрасно ты льешь –
Из резины твой мяч полосатый,
В камышах ты игрушку найдешь!
Разве стоит об этом так плакать?!

А.Т. ТВАРДОВСКИЙ:

Я, ребята, не бездушный,
Отвернуться не могу,
Было очень жутко слушать
Танин плач на берегу.
В реку мяч ее свалился!
Таня, в панике, кричать:
"Как-бы мяч не утонул!"
Нужно мяч быстрее спасти..."
Объяснить пришлось девчонке,
Что в реке не тонет мяч,
Что он сделан из резины –
Успокойся и не плачь!

В.С. ВЫСОЦКИЙ:

Вот как-то раз на берегу,
У речки у глубокой,
Свой мячик Таня на бегу
Подбрасывала ловко.
Мяч вверх подпрыгнул и упал,
Да прямо на стремнину.
Кто у реки был, тот слышал
Тот громкий крик дивчины.
Как горько плакала она,
А ведь того не знала,
Что не достанет мяч до дна,
Раз мяч не из металла!

ДОПОЛНЕНИЕ 2 О ФЕНОМЕНЕ А.С. МАКАРЕНКО

Рассмотрим феномен воспитательного учреждения А. С. Макаренко, где подавляющая часть воспитанников, которые попали в это заведение и прошли его полный "курс", в последующем не обнаружили рецидивов и не вернулись в свое преступное прошлое. Более того, практически все выпускники смогли полностью реализовать себя в непростое время сталинизма.

Таким образом, А.С.Макаренко можно назвать педагогом номер один всех времен и народов, поскольку ему удалось, работая в критических условиях, преобразовывать людей, стоящих на низшем – криминальном – уровне социальной интеракции, в гармоничных личностей. Существуют научные центры, которые исследуют воспитательный эффект педагогической системы А. С. Макаренко в Германии, Италии, Японии и других странах, где стремятся понять, каким образом происходила "переплавка" малолетних преступников, их коренная трансформация и гармонизация. В 1988 г. решением ЮНЕСКО были названы четыре имени педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке – американец Д.Дьюи, немец Г.Кершенштейнер, итальянка М.Монтессори и славянин А.С.Макаренко.

Рассмотрим *сущность педагогики А.С.Макаренко*.

А. С. Макаренко сформировал развивающе-воспитательную социально-педагогическую среду, которая имела мощный "солитонный" ресурс самоподдержки и гармонизации, подобно нашей Вселенной, являющейся весьма устоявшейся самодетерминированной структурой. Отмеченная среда, с другой стороны, составляла целостный реальный социальный жизненный цикл, в который были включены воспитанники, что является принципиальным аспектом воспитательного воздействия системы А. С. Макаренко. Все иные искусственные образовательно-воспитательные среды, лишенные этого качества, являются суррогатными социальными ячейками, воспитательный ресурс которых неадекватен современным образовательным целям.

Эту устойчивую синергетическую воспитательную среду А. С. Макаренко создал в начале существования своего заведения благодаря ситуации "взрыва" – коренного изменения первых "преступных" воспитанников; это привело к тому, что великий педагог получил статус неопровержимого лидера, который в контексте воспитательной системы явился высшим центром управления.

Отмеченное обстоятельство отвечает общему кибернетическому принципу управления, согласно которому в любой системе имеющийся определенный руководящий Центр (или принцип), который формирует организацию и задает ритм развития системы, определяя ее цель и выступая *синергетическим параметром порядка*. Этот Центр характеризуется поливалентностью, гибкостью и "нейтральностью" – тем качеством, которое позволяет ему вступать во взаимодействие с любым элементом системы, а также обеспечивать периодическую "нейтрализацию" системы (то есть снятие всяческих противоречий в ее недрах – так называемое "обнуление полюсов ее напряженности") и получать обратную связь от элементов системы, которая достигается интеграцией Центра в функциональную "ткань" каждого этого элемента с помощью нейтральной природы управляющего Центра, делающего систему *единой* именно благодаря своей нейтральности. *Единство* системы, в свою очередь, является залогом реализации единых педагогических требований ко всем ее элементам, а также самодетерминации этой системы.

Кроме того, все иерархически организованные элементы системы должны воспринимать управляющий Центр как абсолютный "авторитет", доминирующую инстанцию, вне которой система не может существовать, поскольку эта инстанция поддерживает (выступает посредником) связь системы с внешней (социальной) средой.

И главное – становление системы должно проходить вместе со становлением ее руководящего Центра, который, таким образом, выступает плоть от плоти отмеченной системы и закладывает управляющие импринтинговые сигналы для ее элементов.

Анализ воспитательного учреждения А. С. Макаренко позволяет прийти к выводу о том, что педагог актуализировал отмеченные выше кибернетические особенности социального управления. С самого начала становления воспитательного учреждения педагог стоял у ее основ как основатель, реализовывая еще один принцип эффективного управления, согласно которому управляющий Центр сам создает систему ("*принцип Творца*") и формирует ее управляющий механизм.

Вспомним, как все происходило в колонии А. С. Макаренко. Прежде всего после А. С. Макаренко в нее прибыли воспитатели, которые стали базовым инструментом управления системы. Потом появились "малолетние преступники" – ребята 16-18 лет (представляющие более-менее зрелые преступные элементы):

"Четвертого декабря в колонию прибыли первые шесть воспитанников и предъявили мне какой-то сказочный пакет с пятью огромными сургучными печатями. В пакете были "дела". Четверо имели по восемнадцать лет, были присланы за вооруженный квартирный грабеж, а двое были помоложе и обвинялись в кражах. Воспитанники наши были прекрасно одеты: галифе, щегольские сапоги. Прически их были последней моды. Это вовсе не были беспризорные дети".

Как видим, в колонию прибыли четыре восемнадцатилетних молодых человека (двое оставшихся были чуть моложе). Даже по меркам нашего времени прибывшие были вполне взрослыми людьми, не говоря уже о том, что в условиях Гражданской Войны люди выросли еще раньше.

И эти "малолетние преступники", а на самом деле достаточно "закоренелые преступники" в результате спонтанного применения педагогом метода "взрыва" получили коренную трансформацию своей психофизиологической природы и оказались вторым (после воспитателей) передаточным звеном и средой управления системы.

Вот как об этом пишет сам А.С.Макаренко:

"И вот свершилось: я не удержался на педагогическом канате. В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-веселый ответ:

– Иди сам наруби, много вас тут!

Это впервые ко мне обратились на "ты".

В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял ее и снова надел. Я, вероятно, еще бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

– Простите, Антон Семенович...

Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня – я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять

воспитанников молча стояли у своих кроватей, Бурун что-то спешил поправить в костюме.

Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати:

– Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чертовой матери!

И вышел из спальни...

В области дисциплины случай с Задорновым был поворотным пунктом. Нужно правду сказать, я не мучился угрызениями совести. Да, я избил воспитанника. Я пережил всю педагогическую несурзность, всю юридическую незаконность этого случая, но в то же время я видел, что чистота моих педагогических рук – дело второстепенное в сравнении со стоящей передо мной задачей. Я твердо решил, что буду диктатором, если другим методом не овладею...

Екатерина Григорьевна несколько дней хмурила брови и разговаривала со мной официально-приветливо. Только дней через пять она меня спросила, улыбнувшись серьезно:

– Ну, как вы себя чувствуете?

– Все равно. Прекрасно себя чувствую.

– А вы знаете, что в этой истории самое печальное?

– Самое печальное?

– Да. Самое неприятное то, что ведь ребята о вашем подвиге рассказывают с упоением. Они в вас даже готовы влюбиться, и первый Задоров. Что это такое? Я не понимаю. Что это, привычка к рабству?

Я подумал немного и сказал Екатерине Григорьевне:

– Нет, тут не в рабстве дело. Тут как-то иначе. Вы проанализируйте хорошенько: ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и Бурун и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы возвратить Задорова, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок. А колония им, очевидно, все-таки нужна. Тут сложнее. Кроме того, они видят, что мы много работаем для них. все-таки они люди. Это важное обстоятельство".

В результате описанных событий была сформирована образовательно-гармонизирующая структура, напоминающая *Божественную Троицу*: Бог-Отец – педагог-Макаренко. Бог-Дух – воспитатели (которые несли в себе духовные основы, идеологию Отца) и, наконец, Бог-Сын – первые воспитанники как наиболее авторитетные правопреемники власти Отца. Как видим, сложилась четкая триадная логическая иерархия, которую при помощи логико-математических оснований современной науки описал академик Б. В. Раушенбах, адаптировавший функционально-онтологические принципы Божественной Троицы к законам математического анализа [*Раушенбах, 1991*].

В связи с этим отметим, что практически все педагоги и философы, которые анализировали поступок А.С.Макаренко, удовлетворились объяснением этого поступка самим великим педагогом, который позднее "облачил" свой судьбоносный поступок в новый для педагогики механизм "взрыва", инициирующий формирование у воспитанников принципиально иной системы мотивов и ценностей.

Мы полагаем, что А.С.Макаренко стал для первых "преступных элементов" непрерываемым авторитетом за счет того, что получил перед ними абсолютное моральное превосходство. Данное превосходство заключалось в том, что как в традиционном социуме, так и его экстремальных учреждениях, например в армии и тюрьме, истинным авторитетом является тот человек, который смог переступить через себя, то есть *преодолеть страх смерти* и быть готовым ко всему.

Таким образом, среди людей именно тот находится на высоте положения и выступает истинным лидером – свободным и независимым существом, кто преодолел высший ужас человеческого бытия – страх смерти, "победил мир" (И.Христос), стал *свободным* от реальности: "Размышлять о смерти – это значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения. И нет в жизни зла для того, что постиг, что потерять жизнь – не зло" (М. Монтень, из книги "*Опыты*"). Или, "смерть – лучшая приправа жизни", а "жизнь есть приготовление к смерти".

Взрыв негодования, который захлестнул А.С. Макаренко, ударившего своего воспитанника, был вызван не только критическими условиями, которые были созданы в его учреждении (первые воспитанники превратили учреждение А.М.Макаренко в воровскую малину), но и тем, что данный взрыв имел место в условиях отчаяния,

достигшего последнего градуса, когда на кон была поставлена жизнь А.С.Макаренко, а также его высшие ценности, ради которых он мог пожертвовать и самой жизнью.

Отметим, что отношение к смерти можно считать краеугольной проблемой человеческого бытия, которая определяет множество иных проблем. Страх смерти преодолевается человеком не только на путях обретения святости, но и в сфере высших человеческих ценностей:

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь – базар крикливый Бога,
То только смерть – Его бессмертный храм.
А. А. Фет ("Смерть", 1878)

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.
"Команда, во фронт! Офицеры, вперед!"
Сухими шагами командир идет.
И слова равняются в полный рост:
"С якоря в восемь. Курс – ост.
У кого жена, дети, брат
Пишите, мы не придем назад.
Зато будет знатный кегельбан".
И старший в ответ: "Есть, капитан!"
И самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.
"Не все ли равно – сказал он, – где?
Еще спокойней лежать в воде".
Адмиральским ушам простукал рассвет:
"Приказ исполнен. Спасенных нет".
Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.
Н.С. Тихонов ("Баллада о гвоздях", 1922)

Маятник качнётся – сердце замирает.
Что кому зачтётся – кто ж об этом знает?
Что кому по нраву, кто кого в опалу,
Что кому по праву выпало-попало...
Что судьба нам, братцы, к ночи напорочит?
Станет улыбаться или не захочет?..

Мы одни и плеть им, мы одни узда им.
Мы всегда успеем, мы не опоздаем.
Настал час заката. Маятник качнётся...
А без нас, ребята, драка не начнётся.
А без нас, ребята, драка не случится.
Надо ж нам когда-то с жизнью разлучиться...
Что судьба нам, братцы, к ночи напрозорчит?
Станет улыбаться или не захочет?..
Мы поставим свечи, мы грустить не станем.
Выпал чёт иль нечет – завтра же узнаем...

*А. Градский (из песни "Маятник качнётся" –
период Афганской войны – 1979-1989)*

Говоря о **высшем авторитете, связанном с отсутствием страха смерти**, можно привести множество примеров из жизни христианских святых, которым покорялись даже звери.

Итак, первые преступные элементы, достаточно взрослые юноши, имеющие богатейших (преступный) жизненный опыт, полностью покорились А.С.Макаренко, восприняв его как высший моральный авторитет, который объединял в себе множество иных "локальных" авторитетов, среди которых авторитет вора в законе" – лишь отблеск этого высшего авторитета святого человека, "победившего мир".

При этом данные юноши были включены:

- 1) в коллективную трудовую активность,**
- 2) в процесс учебы (познания),**
- 3) а также погружены в нарождающуюся систему гармоничных общинных отношений.**

Через некоторое время труд, учеба, социальная гармония стали одной из основных жизненных потребностей юных колонистов, что знаменовало коренное перепрофилирование их преступной природы. Однако при этом юноши не утратили достаточно высокий авторитет, который они имели в молодежной преступной среде. Поступающие из этой среды в колонию новые малолетние преступники таким образом вынуждены были подчиняться гармонизационному жизненному украду колонии, поддерживаемому абсолютным авторитетом А.С.Макаренко, а также авторитетом первых колонистов.

Таким образом, после того, как в воспитательную систему А.С.Макаренко попадали новые "преступные элементы", они полностью

интегрировались – "вливались" в нее словно вода наполняет сосуд, принимая его форму и приспособляясь к его особенностям.

Это обеспечивало высокую

развивающую/воспитательную/формирующую

эффективность педагогической системы великого педагога.

Отметим, что абсолютный авторитет А.С.Макаренко был авторитетом святости, который, по видимому, облачался самыми первыми воспитанниками в одеяния авторитета "вора в законе". Постепенно, после того, как воспитанники постепенно вырабатывали истинные (высшие) человеческие потребности (в труде, познании, гармоничном общинном взаимодействии) в авторитете А.С.Макаренко все более начинал проступать облик святого, а авторитет "вора в законе" нивелировался. Теперь уже с А.С.Макаренко можно было взаимодействовать как с равным.

ДОПОЛНЕНИЕ 3 О ФЕНОМЕНЕ НЕКРОФИЛИИ

Касательно некрофилии Э.Фромм в книге *"Анатомия человеческой деструктивности"* пишет следующее:

"Некрофильские тенденции могут иногда проявляться в ненамеренных, "незначительных" действиях (в "психопатологии повседневности"), которые Фрейд интерпретирует как вытесненные влечения. Я приведу здесь пример одного из сложнейших политических деятелей XX в. – Уинстона Черчилля. Речь идет вот о чем. В период первой мировой войны Черчилль и фельдмаршал Алан Ф. Брук – шеф Генерального штаба – сидели за обедом. Дело было в Северной Африке, день был очень жаркий, и было много мух. Черчилль убивал их направо и налево, то же самое, вероятно, делали и все остальные. Но затем он сделал нечто неожиданное (сэр Алан сообщает, что был шокирован этим поступком). К концу обеда Черчилль собрал всех убитых мух и "выстроил" их в один ряд на скатерти, посматривая на дело рук своих как аристократический охотник, перед которым слуги, желая его порадовать, выкладывают подстреленную дичь.

Если поведение Черчилля кто-либо захочет объяснить как "привычку", то остается вопрос, что означает столь странная привычка? Если кому-то кажется, что здесь нашли выражение некрофильские наклонности (а такие черты у него явно были), то это вовсе не обязательно свидетельствует, что у Черчилля был некрофильский характер (он был слишком сложной личностью, чтобы для ее обсуждения и описания хватило двух страниц).

Я упомянул об этом факте потому, что личность Черчилля хорошо известна, а сам факт безусловно достоверен. Такой маргинальный тип поведения наблюдается у многих. Например, нередко мы встречаем людей, которые имеют привычку ломать и рвать на мелкие кусочки то, что под руку попадается: цветы, карандаши и т. д. Другие могут нанести себе травму, а потом еще и разбередить рану. Еще более ярко эта тенденция проявляется, когда человек срывает свой гнев на каком-либо прекрасном творении рук человеческих – это может быть здание, мебель, посуда, статуэтка или другое произведение искусства. Самые крайние выражения такого вандализма случаются в музеях, когда человек вонзает нож в холст или в самого себя перед лицом соответствующей картины.

Некрофильским можно назвать поведение лиц, которые чувствуют влечение к скелетам (ими часто бывают медики – врачи и студенты). Обычно это объясняют профессиональным интересом. Но это не всегда так. Чтобы доказать это, достаточно привести один случай из психоаналитической практики. Студент-медик, у которого в спальне стоял скелет, через некоторое время, немного смущаясь, рассказал своему врачу, что он этот скелет довольно часто кладет к себе в постель, обнимает и целует. У этого юноши аналитик обнаружил и другие некрофильские симптомы.

С другой стороны, некрофильский характер может проявляться в убежденности, что единственный путь разрешения проблем и конфликтов – это насилие. Здесь вопрос заключается в том, можно ли при определенных обстоятельствах прибегнуть к применению силы. Для некрофила характерно убеждение, что насилие – это "способность превратить человека в труп" (используя терминологию Симоны Вейль) и что оно – первый и последний (т. е. единственный) путь, на котором гордиев узел проблем оказывается разрубленным, а терпеливое развязывание новых узлов ни к чему не приводит. Такие люди реагируют на проблемы жизни в основном деструктивно и никогда не пытаются помочь другим людям найти конструктивный способ их решения. Их поведение напоминает реакцию королевы из "Алисы в стране чудес", которая по любому поводу распоряжалась: "Отсекь им головы!" Тот, у кого подобный импульс является главным, как правило, просто не в состоянии увидеть другие возможности, которые позволят избежать разрушения. Такие люди не видят, насколько беспомощным и малоубедительным является насилие перед лицом времени. Классический пример такой позиции мы находим в библейской истории о том, как царь Соломон решил спор двух женщин, заявлявших о своем материнстве в отношении одного и того же ребенка. Когда царь Соломон предложил женщинам разорвать ребенка пополам, то настоящая мать предпочла уступить ребенка другой женщине, чем доставить ему боль; а женщина, которая только выдавала себя за мать, согласилась его "поделить". Ее решение типично для некрофила, одержимого жадной обладания.

Менее явное выражение некрофилия находит в особом интересе к болезни во всех ее формах, а также к смерти. Например, бывает, что мать постоянно думает о болезнях своего ребенка и строит мрачные прогнозы о его будущем; в то же время она не

реагирует на благоприятные перемены в течении болезни, не замечает ничего нового, что появляется у ребенка, в том числе оживления и радости в его глазах. Тем самым она не наносит ребенку явного ущерба, но все же постепенно радость жизни и вера в собственные силы может в нем заглохнуть, он может как бы заразиться некрофильской ориентацией матери.

Тот, кому довелось слышать, как общаются друг с другом пожилые люди (из самых разных социальных групп), видимо, не раз обращал внимание на то, что темой разговора чаще всего бывают болезнь или смерть. Это связано с целым рядом причин. Для многих людей с ограниченным кругозором болезнь и смерть – главные драматические события жизни, поэтому они и составляют основной предмет разговоров наряду с обсуждением семейных новостей. Но есть и совсем иные причины. Бывает, что человек проявляет внезапное оживление и активность, когда речь заходит о чужой болезни или еще каком-либо грустном событии (от финансовых трудностей до смерти). Особый интерес некрофильской личности к мертвым проявляется не только при разговорах, но и при чтении газет. Такие люди в первую очередь интересуются уголовной хроникой. Они охотно обсуждают различные аспекты убийств и других смертей, выясняют обстоятельства, причины и следствия недавних смертей, прогнозируют, кто теперь на очереди, и т. д. Они не пропускают случая сходить в крематорий и на кладбище... Нетрудно догадаться, что такая "страсть" к похоронам – просто смягченная форма уже описанных выше случаев явного интереса к трупам, моргам и могилам.

Сравнительно трудноуловимой чертой некрофильского характера является особая безжизненность при общении. Причем здесь дело не в предмете обсуждения, а в форме высказывания. Умный, образованный некрофил может говорить о вещах, которые сами по себе могли бы быть очень интересными, если бы не манера, в которой он преподносит свои идеи. Он остается чопорным, холодным, безучастным. Он представляет свою тему педантично и безжизненно. Противоположный тип характера, биофил, напротив, может говорить о переживании, которое само по себе не очень интересно, но он подает их столь заинтересованно и живо, что заражает других своим хорошим настроением. Некрофил действует на группу, как холодный душ или "глушитель" всякой радости, как "ходячая тоска", от присутствия

такого человека все вокруг испытывают тяжкое ощущение и быстро устают.

Еще одно измерение некрофильских реакций проявляется в отношении к собственности и в оценках прошлого. Некрофил воспринимает реально только прошлое, но не настоящее и не будущее. В его жизни господствует то, что было (т. е. то, чего уже нет, что умерло): учреждения, законы, собственность, традиции, владения. Короче говоря, *вещи господствуют над человеком; "иметь" господствует над "быть", обладание – над бытием, мертвое – над живым.*

В личностном, философском и политическом сознании некрофила сохраняется святое почтение к прошлому, ничто новое не имеет ценности, а резкие перемены воспринимаются как преступление против "естественного, природного" хода вещей.

Льюис Мэмфорд установил, что существует связь между деструктивностью и поклонением перед машинной мощью – "мегатехникой". Мэмфорд утверждает, что эта связь просматривается еще в Египте и Месопотамии, которые более 5000 лет тому назад имели такие социальные структуры, которые во многом напоминают общественное устройство в странах современной Европы и Северной Америки.

По сути дела, инструменты механизации уже 5000 лет тому назад были отделены от тех человеческих функций и целей, которые не способствовали постоянному росту власти, порядка и прежде всего контроля. Рука об руку с этой протонаучной идеологией шло соответствующее регламентирование и деградация некогда автономной человеческой деятельности: здесь впервые возникает "массовая культура" и "массовый контроль". Есть полный сарказма символизм а том, что величайшим созданием мегамашин в Египте были колоссальные могильники, заселенные мумифицированными трупами, а позднее в Ассирии – как и во всех без исключения расширяющихся мировых империях — главным свидетельством технических достижений была пустыня разрушенных городов и сел и отравленная почва: прототип "цивилизованного" ужаса нашей эпохи.

Начнём с рассмотрения самых простых и очевидных признаков современного индустриального человека: его больше не интересуют другие люди, природа и все живое. Его внимание все больше и больше привлекают исключительно механические, неживые артефакты. Примеров тому – тьма. В нашем

индустриальном мире сплошь и рядом встречаются мужчины, которые к своей автомашине питают более нежные чувства, чем к жене. Они гордятся своей моделью, они за ней ухаживают, они моют ее собственноручно (даже когда достаточно богаты, чтобы заплатить за мойку). В самых разных странах многие автолюбители называют свою автомашину ласкательным именем; они уделяют машине массу внимания, прислушиваются к ней, наблюдают за ее поведением и немедленно принимают меры, если обнаруживаются хоть малейшие признаки дисфункции. Разумеется, автомашину нельзя назвать объектом сексуального интереса, но вполне можно утверждать, что это объект любви: жизнь без машины представляется человеку порой куда как более невыносимой, чем жизнь без жены. Разве такая "любовь" к автомашине не убедительная примета извращения?

Возьмем другой пример – увлечение фотографией. Каждый, кому приходилось наблюдать поведение туриста (или свое собственное) с фотоаппаратом в руках, мог убедиться, что фотографирование превратилось в некий эрзац зрительного восприятия. Конечно, чтобы навести объектив на желаемый объект, надо пару раз на него взглянуть, но затем надо только нажимать на кнопку, чтобы отснять пленку и привезти ее домой. При этом самому фотографу достаточно *взглянуть* и не обязательно *видеть*. Видение – это функция человека, великий дар, полученный от рождения; он требует деятельного отношения к жизни, внутренней собранности; заинтересованности и терпения. Сделать *снимок*, *щелкнуть* (в самом слове содержится весьма характерный элемент агрессивности) означает, по сути дела, что сам процесс видения сведен к получению объекта – фотографии, которая затем будет предъявлена знакомым как доказательство того, что "ее владелец там был". То же самое можно сказать о "меломанах", для которых прослушивание музыки превратилось в повод "поиграть" со своей домашней звуковой системой – проигрывателем, стерео-усилителем и т. д. Слушание музыки для них – это лишь изучение технических качеств записывающей и воспроизводящей аппаратуры.

Еще один пример из этой серии – любитель техники как таковой, аппаратоман (техно-"фан"). Такой человек стремится где только можно использовать технику якобы для экономии человеческой энергии. К таким людям относятся, например, продавцы, которые даже простейшие вычисления делают на

счетной машинке. Так же как те автолюбители, которые, выйдя из подъезда, автоматически плюхаются на сиденье машины, хотя пройти нужно было бы всего один квартал. Многие из нас знакомы с такими народными умельцами, которые любят конструировать различные технические приспособления типа дистанционного управления: нажмешь на кнопку, а в углу комнаты вдруг забьет фонтанчик, или сама откроется дверь, или что-нибудь еще произойдет в этом роде, весьма далекое от реализации практических целей.

Описывая подобные модели поведения, я, разумеется, вовсе не хочу сказать, что пристрастие к фотографии, автомобилю или использованию технических приспособлений – это проявление некрофильских тенденций. Но бывает, что страсть к техническим приспособлениям *заменяет* (вытесняет) подлинный интерес к жизни и избавляет человека от применения всего того обширного набора способностей и функций, которыми он наделен от рождения. Я вовсе не хочу этим сказать, что инженер, страстно увлеченный проектированием различных машин, уже тем самым проявляет некрофильский синдром. Он может оставаться при этом весьма творческим человеком, любящим жизнь, что и находит выражение как в его конструктивных технических идеях, так и в его отношении к природе, искусству и к другим людям. Я отношу этот синдром скорее к тем людям, у которых интерес к артефактам *вытеснил* интерес ко всему живому, и потому они механически с педантизмом автомата занимаются своим техническим делом.

Но еще более зримым некрофильский элемент этого явления становится тогда, когда мы ближе рассматриваем непосредственные доказательства связи между техникой и деструктивностью. Наше время дает тому немало примеров. Самый яркий пример такой связи дает нам судьба Ф. Маринетти – основателя и главы итальянского

футуризма, который всю жизнь был фашистом. В первом "*Манифесте футуризма*" (1909) он сформулировал идеи, которые нашли полное понимание и поддержку в идеологии национал-социализма, а вначале второй мировой войны были реализованы. Особое чутье художника дало возможность Маринетти предсказать и выразить некоторые мощные тенденции, которые были тогда едва уловимы.

Манифест футуризма

1. Да здравствует риск, дерзость и неукротимая энергия!

2. Смелость, отвага и бунт – вот что воспеваем мы в своих стихах.

3. Старая литература воспевала леность мысли, восторги и бездействие. А вот мы воспеваем наглый отпор, горячечный бред, строевой шаг, опасный прыжок, оплеуху и мордобой.

4. Мы говорим: наш прекрасный мир стал еще прекраснее – теперь в нем есть скорость. *Под багажником гоночного автомобиля змеятся выхлопные трубы и изрыгают огонь. Его рев похож на пулеметную очередь, и по красоте с ним не сравнится Ника Самофракийская.*

5. Мы воспеваем человека за баранкой: руль насквозь пронзает Землю, и она несется по круговой орбите.

6. Пусть поэт жарит напропалую, пусть гремит его голос и будит первозданные стихии!

7. *Нет ничего прекраснее борьбы. Без наглости нет шедевров. Поэзия наголову разобьет темные силы и подчинит их человеку.*

8. Мы стоим на обрыве столетий!.. Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности, ведь в нашем мире царит одна только скорость.

9. *Да здравствует война – только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, любовь к Родине, разрушительная сила анархизма, высокие Идеалы уничтожения всего и вся! Долой женщин!*

10. *Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки. Долой мораль трусливых соглашателей и подлых обывателей!*

11. Мы будем воспевать рабочий шум, радостный гул и бунтарский рев толпы; пеструю разноголосицу революционного вихря в наших столицах; ночное гудение в портах и на верфях под слепящим светом электрических лун. Пусть прожорливые пасти вокзалов заглатывают чадающих змей. Пусть заводы привязаны к облакам за ниточки вырывающегося из их труб дыма. Пусть мосты гимнастическим броском перекинутся через ослепительно сверкающую под солнцем гладь рек. Пусть пройдохи-пароходы обнюхивают горизонт. Пусть широкогрудые паровозы, эти стальные кони в сбруе из труб, пляшут и пыхтят от нетерпения на рельсах. Пусть аэропланы скользят по небу, а рев винтов сливается с плеском знамен и рукоплесканиями восторженной толпы.

Здесь мы уже встречаем серьезные элементы некрофилии: обожествление машин и скоростей; понимание поэзии как средства для атаки; прославление войны, разрушения культуры; ненависть к женщине; отношение к локомотивам и самолетам как к живым существам.

Второй футуристский манифест (1910) развивает идеи новой "религии скоростей".

Быстрота (сущность которой состоит в интуитивном синтезе всякой силы, находящейся в движении) по самой своей сути *чиста*. Медлительность по сути своей *нечиста*, ибо ее сущность в рациональном анализе всякого рода бессилия, находящегося в состоянии покоя. После разрушения устаревших категорий – добра и зла – мы создадим новые ценности: новое благо – быстрота и новое зло – медлительность. *Быстрота* – это синтез всего смелого в действии. Такой синтез *воинственен* и *наступательно-активен*. Медлительность – это анализ застойной осторожности. Она пассивна и пацифична...

Если молитва есть общение с Богом, *то большие скорости служат молитве. Святость колес и шин. Надо встать на колени на рельсах и молиться, чтобы Бог нам послал свою быстроту. Заслуживает преклонения гигантская скорость вращения гиростатического компаса: 20 000 оборотов в минуту – самая большая механическая скорость, какую только узнал человек.*

Шуршание скоростного автомобиля – не что иное, как высочайшее чувство единения с Богом. Спортсмены — первые адепты этой религии. Будущее разрушение домов и городов будет происходить ради создания огромных территорий для автомобилей и самолетов (Выделено отчасти мной. – Э. Ф.).

Кто-то назвал Маринетти революционером, который порвал с прошлым и открыл новому нищепанскому сверхчеловеку ворота в современность, и потому сам он вместе с Пикассо и Аполлинером стал одной из важнейших сил современного искусства. Я могу по этому поводу возразить лишь одно: революционные идеи Маринетти обеспечили ему почетное местечко рядом с Муссолини, а затем и с Гитлером. Это как раз тот самый случай переплетения риторических революционных лозунгов с обожествлением техники и деструктивными целями, которые так характерны для нацизма. Хотя Муссолини и Гитлер и были бунтарями (особенно Гитлер), но они отнюдь не были революционерами. У них не было по-настоящему творческих идей,

и они не произвели каких-либо серьезных преобразований, которые пошли бы на пользу человеку" [Фромм, 1994, с. 289-297].

ДОПОЛНЕНИЕ 4. О ПРИНЦИПЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевой феномен, позволяющий отразить сущность западной цивилизации – множественность; имя ей "легион", который утверждается в таких современных реалиях, как *дискретность и биполярность мышления; клиповость и фрагментарность восприятия; профилизация и специализация образования; поляризация и множественность мнений; парадоксальность и абсурдность происходящего...*

Несмотря на активное продвижение глобалистской парадигмы *нового мирового порядка*, призванного объединить под единым флагом народы и нации, человечество мучительно "рассыпается" под грузом антагонизмов во всех сферах общественного бытия и общественного сознания, входящего в заключительную фазу своего развития, сопровождающегося системным кризисом.

Данный кризис обостряет и углубляет "космическую вражду", охватывающую все проявления жизни [*Шпенглер, 1993*] и проистекающую из множественного строя современной жизни, который более всего характерен для новейшего времени человеческой истории: "...с тех пор, как в людях исчезло непосредственное доверие к бытию, которое в былые времена было прямым следствием того, что человек от рождения включался в окружающий его целостный миропорядок... проникнутый духом религии и определенным образом устремленный к истине... с тех пор... как рухнуло это целостное мироощущение и возникло современное общество, наше отношение к людям и вещам бесконечно усложнилось, все стало проблематичным и недостоверным, так что поиски истины грозят обернуться отчаянием отказа от нее" [*Манн, 1960, т. 5, с. 163*].

Глобализационная установка современных элит в своем стремлении привести мир к новому мировому порядку – социально-экономической, духовно-идеологической, психолого-поведенческой тотальности – использует деструктивный инструмент – *управляемый хаос*. Последний как дискретно-множественная сущность проистекает из *дискретно-однозначного языка современной науки*, воплощенного в универсальном техническом средстве – компьютере, который функционирует на основе дискретно-однозначных же программных алгоритмов.

Отмеченный процесс выражает кризис классической

гносеологической парадигмы, предопределяющей тенденцию развития науки в направлении экспонентного роста и репликации фактов и расширения сферы научных исследований. Соответственно, наблюдается чрезвычайно быстрый процесс разработки новых технологий, что составляет значительную проблему для профессионального образования, которое не может адекватно реагировать на этот феномен, поскольку образовательной отрасли все труднее угнаться за новыми фактами и знаниями, с которыми сталкиваются студенты на протяжении пяти-шестилетнего периода обучения, что создает проблему "**полураспада компетенции специалиста**".

Это, в свою очередь, обнаруживает уникальную социальную ситуацию: человечество еще никогда не обладало таким несметным объемом информации и колоссальным количеством фактов, однако оно еще никогда не находилось столь далеко от понимания своей сущности, познание которой оказалось раздробленным во множестве научных дисциплин.

Придем некоторые **наиболее емкие тезисы**, раскрывающие суть рассматриваемого процесса.

Р. Чалдини: Современный мир сотрясается информационным бумом, который сейчас определяют как "информационный потоп", вызываемый, в том числе, многократной репродукцией и повторением уже известной информации, а не ростом количества новых знаний. В первый раз в истории человечества идеи и технологии трансформируются во времени быстрее, чем поколения людей [*Чалдини, 1999, с. 248*].

Э Шредингер: "мы унаследовали от наших предков острое стремление к цельному, всеобъемлящему знанию. Но расширение и углубление разнообразных отраслей знания в течение последних ста с лишним лет поставило нас перед странной дилеммой. С одной стороны мы чувствуем, что только теперь начинаем приобретать надежный материал для того, чтобы свести в единое целое все до сих пор известное, а в другой стороны, становится почти невозможным для одного ума полностью овладеть более чем одной небольшой специальной частью науки" [*Шредингер, 1947, с. 70, 123*].

О. Бальзак: "Наука едина, а вы расчленили ее!"

Р. Акофф: "...цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, а именно в разложении на

мельчайшие компоненты. Мы изрядно преуспели в этом искусстве, преуспели настолько, что нередко забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли...".

И. Пригожин. "Нужно перестать поступать так, будто природа делится на дисциплины, как программа в университетах" [*Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 11*].

Бернард Шоу: "любая профессия является заговором против непосвященных".

Р. Фейнман: современная наука, разделенная многочисленными границами и предрассудками, является "сплошным надувательством".

А. А. Потемня: "наука раздробляет мир, чтобы сызнова сложить его в стройную систему понятий, но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого не вошедшего в нее факта, а число фактов не может быть исчерпанным" [*Потемня, 1989*], когда даже многих тысяч фактов не хватит для того, чтобы полностью обосновать теорию, но достаточно лишь одного факта, чтобы ее опровергнуть.

А.И. Фурсов: ныне существуют около 75 тысяч научных дисциплин.

С. К. Абачиев: "только в естествознании с его отраслями (физикой, химией и биологией) порядка 6 тысяч частных дисциплин от физики элементарных частиц до космологии, от молекулярной генетики до физиологии мозга и экологии и т. п. В нём десятки тысяч теоретических концепций, из которых едва ли не половина – гипотезы. (И это естественно: закрыв один комплекс проблем, научные теории тут же ставят новые открытые проблемы.) В нём несметное количество и многообразие частных научных результатов. (И это тоже естественно: даже в физике, не говоря о биологии, многие сотни частных дисциплин находятся в фазе эмпирико-аналитической зрелости своих знаний.) Прибавим сюда обществоведческую отрасль науки – существенно более молодую и существенно менее зрелую в научном отношении. Прибавим сюда математику как самостоятельную и чрезвычайно сложную отрасль современных научных знаний со своими десятками областей и сотнями частных дисциплин" [*Абачиев, 2013*]

Д. О. Гранин: "специалист стремится познать все больше о все меньшем, пока не будет знать все ни о чем: философ же узнает все меньше о все большем, пока не будет знать ничего обо всем".

Бернард Шоу: "Если в поисках истины исследователь будет все более дробить изучаемое явление, то он рискует узнать все... ни о чем" [*ПСС, 1980, т. 6, с. 117*].

С. И. Сухонос: "Современная наука организована, как подводная лодка с наглухо задраенными переборками. Если в одном отсеке психологи изучают поведение человека, то их знания и обобщения не "просачиваются" в другие отсеки, где другие ученые изучают климат" ("*Природа пошла в разнос*", 2009).

К. Ниши: "Чрезмерная специализация в современной медицине является настоящим посягательством на достоинство человека, ибо она так скрупулезно делит и позразделяет человека на части, что в этих фрагментах уже не остается ничего, что в состоянии воспроизвести реальную картину человеческого существа такой, какой она является на самом деле" [*Гоголан, 1996*].

Карл Ротшух: с ростом числа физиологов количество научных журналов возросло до такой степени, что "физиология перестала быть единым предметом для преподавания, что фактически равноценно концу этой дисциплины как области научного поиска с четкими границами" ("*История физиологии*", 1973).

Морис Клайн: "В наши дни математика отделилась от естествознания... Ныне математика и естественные науки идут разными путями. Новые математические понятия вводятся без всякой попытки найти им приложения. Более того, математики и представители естественных наук перестали понимать друг друга, и нас вряд ли может утешить то, что вследствие чрезмерной специализации даже сами математики уже не понимают друг друга" ("*Математика. Утрата определенности*", 1984).

А.Н. Уайтхед: специализация приводит ко все более усиливающейся профессионализации, "к целибату интеллекта, который отказывается от созерцания всей совокупности фактов" [*Уайтхед, 1990, с. 259*].

В. Чалидзе: "продолжение информационного бума рано или поздно должно привести цивилизацию к отказу от обычая цитировать всех предшественников. Придется разделить познание и историю познания" [*Чалидзе, 1991, с. 6*].

В. И. Вернадский: дифференциация научного знания, которая идет непрерывно на протяжении последних двух-трех веков, способствовала снижению значения целостного миропонимания,

которое было присущим, например, древним грекам. Это привело к тому, что "...рост научного знания в XX веке быстро стирает грани между отдельными науками. Мы всё более специализируемся *не по наукам, а по проблемам*" ("*Философские мысли натуралиста*", "*Труды по общей истории науки*").

О. Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов, Б. Е. Большаков: "*Мир Един. Однако это единство разорвано на "куски" "вавилонской башней" профессиональных языков.* Понятия различных предметных областей не связаны между собой, что и порождает в индивидуальном и массовом сознании *непонимание* действительных связей реального мира. Разрыв этих связей приводит к отчуждению людей от Природы, создает иллюзию независимости, *фантомный мир ложных ценностей*, интересов и целей. Они не сближают людей, а, наоборот, разобщают. Усиливают профессиональное непонимание действительных проблем, вынуждают допускать просчеты и грубые ошибки, что и приводит в итоге к системному кризису" [Кузнецов О.Л., П.Г., Большаков, 2001].

ДОПОЛНЕНИЕ 5 ЗАГАДКА СТОКГОЛЬМСКОГО СИНДРОМА

Данный феномен, не включённый ни в одну международную систему классификации психиатрических заболеваний, описывает травматическую связь, в основе которой находится взаимная или односторонняя симпатию, возникающая между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения (или угрозы применения) насилия. Считается, что под воздействием колоссального психологического шока заложники (мученики) начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия, и в конечном счете отождествлять себя с ними, иногда перенимая их идеи, что может приводить к тому, что они начинают считать свою жертву необходимой для достижения "общей" цели. Данный синдром, который иногда имеет место на бытовом уровне, известнее также и под такими терминами, как "синдром идентификации заложника" (*Hostage Identification Syndrome*), "синдром здравого смысла" (*Common Sense Syndrome*), "стокгольмский фактор" (*Stockholm Factor*), "синдром выживания заложника" (*Hostage Survival Syndrome*) и др.

Авторство термина "стокгольмский синдром" приписывают криминалисту Нильсу Бейероту (*Nils Bejerot*), который ввёл его во время анализа ситуации, возникшей в Стокгольме во время захвата заложников в августе 1973 года. Механизм психологической защиты, лежащий в основе стокгольмского синдрома, был впервые описан Анной Фрейд в 1936 году, когда и получил название "идентификация с агрессором". Некоторые исследователи полагают, что стокгольмский синдром является не психологическим парадоксом, не расстройством (или синдромом), а скорее нормальной реакцией человека на сильно травмирующее психику событие. [*Turner, 1985; Slatkin, 2008; Stockholm syndrome, 2008; Бартол, 2004*].

Предсмертное критическое состояние, вызывающее прилив энергии, может приводить к тому, что человек начинает любить окружающую среду, в том числе и людей, причастных к его гибели, о чем иногда повествуют некоторые писатели. В момент смерти в кровь выбрасываются недифференцированные клетки крови. Такой всплеск энергии приводит и к тому, что у повешенных мужчин наблюдается семьяизвержение, вызванное повышением энергетического тонуса, имеющем место в смертельно критические моменты существования человека: ведь если данный тонус в состоянии умирания должен упасть до самой нижней, нулевой, отметки, то синусоида колебаний

энергетического тонуса перед этим падением в нуль должна подняться до своих наивысших показателей.

По этой же причине в госпиталях у умирающих солдат фиксируется повышение сексуальной активности (эрекция члена), поскольку повышение энергетического тонуса зачастую приводит к эскалации базальной (фундаментальной, глубинной) активности организма – сексуальной.

В целом, можно сделать парадоксальный вывод: процесс нормального (не насильственного) умирания организма, сопровождающийся необычайным повышением его жизненного тонуса, сопровождается состоянием высшего блаженства⁴, которое данный организм когда-либо испытывал – это есть закономерный и вполне логический итог жизни человека, который при рождении также испытывает необычайный прилив энергии.

⁴ В подавляющем большинстве случаев после клинической смерти у людей в памяти остаются в основном положительные эмоции, даже если к этой стадии привели очень болезненные повреждения. К такому выводу пришли бельгийские учёные, проанализировавшие рассказы переживших это явление пациентов и сопоставившие их с активностью мозга в бессознательном состоянии. Люди, имевшие столь необычный опыт, описывали его как богатое эмоциями переживание с ощущениями, не соответствующими телесным, и туннелями света (<http://www.vesti.ru/m/doc.html?id=1734170>).

ДОПОЛНЕНИЕ 6 ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Личностный аспект счастья

Сущностью личности, необходимым и достаточным условием ее кристаллизации выступает свобода человека от детерминизма – причинной обусловленности мира (Вселенной, бытия в целом).

Человеческая личность свободна как от мира, так и от самого человека, возвращенного в этом мире и выступающего его элементом. Психологический механизм такой свободы предполагает наличие самосознания человека, позволяющего ему рефлексировать – т.е. осознавать себя, смотреть на себя со стороны.

Принципиально важно отметить, что такая позиция стороннего наблюдателя, предполагающая способность личности посмотреть со стороны на человека как существа, детерминированного бытием, в котором человек интегрирован, – такая позиция предполагает способность смотреть со стороны на все это целостное бытие, в котором его элементы связаны воедино причинно-следственными связями.

Как видим, конституирующий личность взгляд со стороны предполагает акт дистанцирования личности от бытия, то есть трансцендирование, выход за его пределы.

Данный акт трансценденции кристаллизует личность на основе этой трансцендентной позиции – позиции, позволяющей личности воспариться над бытием, Вселенной, то есть быть вне всяческой реальности.

Отмеченный же процесс, в свою очередь, означает отождествление личности с неким X – таинственной и парадоксальной *запредельной* и свободной от мира сущностью, которую издревле называют Богом (Абсолютом, Творцом).

Итак, главное условие кристаллизации личности как свободной от мира сущности, состоит в трансценденции – выходе за пределы этого мира, что, в свою очередь, предполагает отождествление личности с Абсолютом – свободной от мира Сущности, когда, выражаясь языком восточной философской доктрины, Атман (индивидуальная душа) тождественен Брахману – верховной душе Вселенной.

Данный процесс преодоления личностью бытия, выход за его пределы предполагает способность личности смотреть на бытие как на некую единую предельно абстрактную реальность, как на *целостность*.

Данная способность воспринимать (осознавать и понимать) бытие, Вселенную как целостность предполагает понимание данной целостности как единства всех ее аспектов и элементов, их всеобщей взаимосвязи – связи всего со всем, на основании которой и создается Вселенная как **Целое, Тотальное, Единое**.

Данный вывод, в свою очередь, обнаруживает ряд научно-теоретических и ценностно-поведенческих следствий, одно из которых заключается в необходимости личности владеть парадоксально-диалектическим мышлением, позволяющим осознавать как принцип единства мира, всеобщей связи явлений, так и принцип справедливости и правды ("свободы, равенства, братства").

Именно парадоксально-диалектическое, "нейтральное" мышление дает человеку возможность увидеть **единство мира** в контексте интеграции множества как подобных друг другу, так и полярных, исключаящих друг друга элементов, соединить воедино которые можно только при помощи нейтрально-парадоксальной гносеологической позиции, которая реализует *дипластию* – присущего только человеческому сознанию психологическому феномену отождествления двух элементов, которые одновременно исключают друг друга, что в психологии реализуется в виде категорий *бисоциации* (или бисоциативности, которая, в отличие от ассоциативности, является способностью человека к созданию абсолютно новых, нетривиальных связей – это соединение того, что никогда еще не было соединено через интеграцию нескольких элементов и формирование из них новой целостности), *парадоксальном* (многозначном, сумеречном) *мышлении*, *энантисемии* (двойственность, парадоксальность смыслов), *"операциональной интеграции"* [Горелов, 1987, с. 79; Петров, 1992], **парадоксальном миропонимании**. Интересно, что **парадоксальность как нейтральный феномен** выступает сущностью творческих и гениальных людей, отличающихся амбивалентностью их психической организации.

Таким образом, быть личностью как свободной сущностью предполагает быть Богом, а также владеть парадоксальной способностью **видеть и претворять единство во всем сущем**, что реализует нейтрально-парадоксальную жизненную, гносеологическую, аксиологическую позиции человека.

Итак, быть счастливым человеком – это, прежде всего, быть личностью со всеми изложенными ниже условиями, предполагающими божественный статус человека плюс способность мыслить парадоксально-нейтральным, диалектическим способом.

Психофизиологический аспект счастья

На уровне психофизиологическом быть счастливым – значит ***испытывать удовольствие (наслаждение)***, выступающее фундаментальной ценностью человека, о чем мы можем узнать у Г. Спенсера, который в своих "*Основаниях нравственности*" отождествил добро с удовольствием, или со счастьем: "Удовольствие, где бы оно ни было, когда бы оно ни было, для какого бы то ни было существа, составляет основной, невыделимый элемент этого понятия (нравственной цели)" [*Спб., 1896, с. 53*].

Удовольствие же, которые испытывает счастливый человека как личность не должно при этом нарушать принцип единства мира, то есть не должно приводить к разрушению мира и его элементов, поскольку нарушение единства мира приводит к его разрушению.

По причине целостности, единства мира к его разрушению также приводит и разрушение любого его элемента, поскольку в мире все связано со всем, и эта всеобщая связь феноменов нарушается при разрушении любого из этих феноменов, составляющих единый континуум бытия.

Исходя из изложенного выше, мы говорим об удовольствии, которое не есть удовольствие садиста, мучающего свою жертву, не есть удовольствие вандала и некрофила, разрушающего окружающее пространство, а также не есть удовольствие гурмана, наслаждающегося сочной отбивной, коль скоро отбивная готовится из трупа убитого (разрушенного) животного.

Итак, истинное удовольствие, приносящее счастье личности, есть ***радость*** как возвышенное удовольствие, получаемое вне агрессии и разрушения. Следовательно, истинное удовольствие – есть духовное созидательное удовольствие, радость творчества.

Радость можно напрямую связать с ***энергией***, когда состояние радости предполагает генерацию, творение энергии, поскольку при разрушении объектов они, повышая энтропию внутренней среды, утрачивают энергию, выступающую принципом и механизмом целостности и жизненности этих объектов (А.И. Вейник, А.Н. Козырев).

Радость, исключая какое бы то ни было разрушение, при этом означает недопустимость радующейся личности получать энергию из разрушенных объектов Вселенной.

Следовательно, радость как энергогенерирующее состояние означает творение энергии личностью посредством созидания, противоположного разрушению.

Отметим, что мы связывает радость с энергией – фундаментальной категорией, использующейся как обыденным сознанием, так и философией и наукой как формами общественного сознания, поскольку энергия есть символ активности, жизненности, целостности, способности двигаться, изменяться. Человек уставший, а поэтому испытывающий дефицит энергии, обнаруживает раздражение, злость, агрессию, то есть тягу к разрушению. Исполненный же энергией человек, как правило, испытывает умиротворение, любовь и радость.

Получение личностью энергии посредством ее творения означает ее созидание не из мира (это приводит к его разрушению), а из *Ничто* (эфира, физического вакуума, пустоты, нуля, шуны и др.) посредством его расщепления на "+" и "-", *Нечто* и *Антинечто* (Г. И. Наан).

Это предполагает, что творение энергии означает, во-первых, умение личности создавать *Ничто*, и, во-вторых, умение расщеплять это *Ничто*, то есть поляризовать физической вакуум, творя при этом мир как единство *Нечто* и *Антинечто* – материи и антиматерии ("мир есть возбужденное состояние физического вакуума").

ЛИТЕРАТУРА

- Бартол Курт. Психология криминального поведения. – М.: Olma Media Group, 2004. – С. 289. – 352 с.
- Бордовская Н. В. Педагогика: [учебник для вузов] / Н. В. Бордовская, А. А. Реан – СПб. : Издательство "Питер", 2000 – 307 с.
- Брагина Н.Н. Функциональные асимметрии человека / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова. – М. : Медицина, 1988. – 288 с.
- Вейник А.И. Термодинамика реальных процессов / А.И. Вейник. – Минск: Наука і тэхніка, 1991. – 576 с.
- Вознюк А. В. Как возможен синтез знаний: монография. – Житомир: Изд-во ЖГУ им. И. Франко, 2016. – 878 с. URL: <http://eprints.zu.edu.ua/21842/>
- Вознюк А. В. Педагогическая парадоксология: аксиоматический, теоретический, прикладной аспекты. Житомир: Рута, 2016. – 622 с. URL: <http://www.klex.ru/14c>
- Вознюк А.В. Фундаментальные и прикладные основания общинного / соборного устройства Вселенной. Житомир: Кооп publications, 2018. – 274 с. URL: http://www.koob.ru/voznyuk/ustroystva_vselennoy
- Гегель Г. Философия религии в 2-х т. / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1976–1977. – Т. 1. – 532 с.; т. 2. – 573 с.
- Гоголан М.С. Прощайтесь с болезнями. Опыт собственного излечения по системе Ниши / М.С. Гоголан. – Минск: Мыжд. кн. дом., 1996. – 302 с.
- Горелов И.Н. Разговор с компьютером: Психолингвистический аспект проблемы / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1987. – 256 с.
- Дмитрук М. А. Вдохновение по заказу? / М. А. Дмитрук. – М.: Знание, 1989. – 65 с.
- Кликс Ф. Пробуждающееся мышления / Ф. Кликс. – М.: Прогресс, 1983. – 302 с.
- Козырев Н. А. Избранные труды. – Л.: Изд. ЛГУ, 1994. – 445 с.
- Колесникова И. А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики / И. А. Колесникова. – СПб.: "ДЕТСТВО-ПРЕСС", 2001. – 288 с.
- Кудаев М.Р. Дидактический материал для самоподготовки к аттестации по педагогике. Учебное пособие / М.Р. Кудаев. – Майкоп: изд-во АГУ, 2008. – 240 с.

Кузнецов, О.Л. Устойчивое развитие: синтез естественных и гуманитарных наук / О.Л.Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков. – М.: Ноосфера, 2001. – 282 с.

Манн Т. Собрание сочинений в 10-ти томах. – М.: Худ. лит, 1960, т. 5. – 694 с.; т. 6. – 672 с.

Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач / Э. Морен // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – С. 24–96.

Наан Г. И. Симметрическая вселенная (доклад на Астрономическом совете АН СССР 29 января 1964 г.)// Тартуская астрономическая обсерватория. Публикации. – Тарту, 1966. – Т. 56. – С. 431-433.

Петров М.К. Самосознание и научное творчество / Петров М.К. – Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1992. – 220 с.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. – М.: Политиздат, 1956. – Т. 1. – 847 с.

Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

Ротенберг В.С. Гипноз и образное мышление / В.С. Ротенберг // Психологический журнал. – Т. 2. – 1985. – № 6. – С. 23–34.

Ротенберг В.С. Мозг. Стратегия полушарий / В.С. Ротенберг // Знание – сила. – 1984. – № 6. – С. 54–57.

Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

Субетто А.И. Теория знания и системология образования: монография / А.И. Субетто; под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А. Зеленова. – СПб.: Астерион, 2018. – 142 с.

Сухотин А. К. Парадоксы науки. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 240 с.

Фаст Дж. Язык тела. Как понять иностранца без слов / Дж. Фаст, С. Холл. – М.: Вече, Персей, Аст., 1995. – 432 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994. – 447 с.

Халле М. О роли простоты в лингвистических описаниях // Новое в лингвистике, вып. 4. – М.: Наука, 1965. – С. 234–246.

Чалдини Р. Психология влияния / Р. Чалдини. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 272 с.

Чалидзе В. Иерархический человек (социобиологические заметки). – М.: Терра, 1991. – 224 с.

Черняк Ю.А. Простота сложного / Ю.А. Черняк. – М.: Знание, 1975. – 234 с.

Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Т. 1. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики. – М.: Изд. Ин. лит., 1947. – 146 с.

Эшби У. Несколько замечаний / У. Эшби // Общая теория систем. – М.: Мир, 1966. – С. 164–179.

Murphy M., Dobovan S. Contemporary meditation research. – San Francisco, Esalen Institute Press, 1985. – P. 34–40.

Slatkin Arthur. The Stockholm Syndrome Revisited // The Police Chief Magazine, Vol.LXXV, No.12, December 2008;

"Stockholm syndrome": psychiatric diagnosis or urban myth? // Acta Psychiatrica Scandinavica, Volume 117, Issue 1, pages 4-11, January 2008.

Turner James T.. Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome // Political Psychology, Vol.6, No.4, 1985, pp. 705-711.

Научное издание

Александр Васильевич Вознюк

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ НАУКИ**

Житомир, 2018

Розглядаються три головних орієнтації людського існування, які визначають як три ціннісні стратегії людини і людства (чуттєву, надчуттєву і ідеалістичну), як три елементи моделі реальності (світ - межа - людина), як три методологічні сфери науки (загальне, особливе, одичне), як три стратегії пізнання і освоєння дійсності (правопівкульову-іраціональну, лівопівкульову-раціональну, міжпівкульову-творчу), так і три цивілізаційних проекту (західний, східний, центральний). Особливо важливими виступають методологічні основи науки, які визначають головний принцип пізнання реальності, згідно з яким будь-який предмет/явище нашої реальності повинен бути представлений і вивчений на основі його рефлексії в трьох методологічних сферах.

Three main orientations of human existence are considered, which define three value strategies of man and mankind (sensual, supersensual and idealistic), three elements of the model of reality (world – border -man), three methodological spheres of science (universal, peculiar, singular), three strategies of cognition and mastering the reality (right hemisphere-irrational, left hemisphere-rational, interhemispheric-creative), and three civilizational projects (western, eastern, central). Particularly important are the methodological foundations of science that determine the main principle of cognition of reality, according to which any object / phenomenon of our reality must be represented and studied on the basis of its reflection in three methodological spheres.

Редактор Вознюк А.В. (alexvoz@ukr.net)

Корректор Вознюк В.В. (alexvoz@ukr.net)

Дизайн обложки Вознюк В.В. (alexvoz@ukr.net)

Підписано до друку 26.09.18. Папір офсетний.
Гарнітура Times New Roman. Друк різнографічний.
Ум. друк. арк. 2.1.
